

A woman with long dark hair and blue eyes, wearing a blue hooded cloak, holds a fan with a wooden handle and a lace-like pattern. She is surrounded by green grapevines with clusters of purple grapes. The background is dark with some star-like sparkles. The entire image is framed by a decorative border with floral and scrollwork motifs.

Herbalist of Moon prince

СМОРОДИНОВАЯ
ПРИНЦЕССА

Herbalist prince

Смородиновая принцесса

<https://litres.ru/74071181>

SelfPub; 2026

Аннотация

Королевство Кюррант в трауре. Помимо войны на границах с королевством Линнея, у него есть ещё одна очень большая проблема – принцесса Азалия. Она бросает на всех женихов свой надменный взгляд, прячет ухмылку под веером и предпочитает им запретную литературу в башне старого учёного.

Король Луи Сердобольный не нашёл никаких других вариантов, как снять кожуру с его строптивой дочери, кроме как взять на службу двух шутов. Две противоположности: юродивый и сильный; ветер и скала; лис и медведь. Фокс и Итан. Он надеется, что их мастерство, харизма и противоположность смогут убрать с лица Азалии проклятый веер и открыть её миру.

Содержание

Глава 1. Лис и Медведь	4
Глава 2. Утро	20
Глава 3. Антихристова философия	34
Глава 4. Линнея	48
Глава 5. Тайна	69
Глава 6. Охота	84
Глава 7. Итан Берсерк	106
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Herbalist of Moon prince Смородиновая принцесса

Глава 1. Лис и Медведь

В зале королевского замка никогда не было тихо. Утром в нём слонялись слуги, убирались и забирали с собой скатерти, облитые вином и жиром перепёлок. Днём король принимал баронов, герцогов и простых людей, просящих о помощи и справедливом суде. Вечером зал заполнялся столами и пёстрыми ароматами жареных перепёлок — предвестниками королевского пира.

Луи Сердобольный — король Кюррант, — любил гулять на широкую ногу. Каждый месяц в его замке проводились благотворительные балы и пиры. Когда же его дочь выросла до замужества, зал всё чаще стал наполняться благородными господами и их сыновьями.

Он объявил смотрины и каждого жениха встречал с почестями и распростёртыми объятиями.

Смотрины не были исключительными для принцессы. На них приезжали и её ровесницы высоких кровей, тоже готовые найти себе мужа. Они строили глазки юношам, флиртовали с ними — как минимум, две невесты обзавелись женихами при королевском дворе.

Но та, ради кого и назначались смотрины, так ни разу и не определилась. Она прогоняла от себя женихов, прожигала их строгим взглядом и пряталась за своим излюбленным кружевным веером.

— В чём твоя проблема, Азалия? — спрашивал её король Луи. Ради серьёзного разговора он даже отставил в сторону кубок со смородиновой настойкой, бочку с которой открыли только сегодня. — Тот жених богат, тот красив, тому на свадьбу подарят красивый сад, по нему гулять будешь вечерами, как здесь.

— Все они мне отвратительны, — отвечала принцесса, сильнее обмахиваясь веером. — Тот кривой, тот жадный, а жених с садом вовсе бабник. К каждой даме приклеивается, лишь бы обнажила свои груди больше положенного.

— Ну что ты так плохо говоришь о них? — вскинул руками король. — А Робин? Они с отцом сейчас успешно держат оборону на границе.

Мужчина указал пальцем на толстого барона и стоящего подле него сына. Они приехали с вестями совсем недавно, ещё не успели со всеми поздороваться и не торопились садиться за стол к королю. Но и в ответ на них Азалия громко фыркнула и отвернулась.

— Не хочу я замуж, — заявила она. Челюсть Луи Сердобольного упала на стол. Он потребовал объясниться. — Рано мне замуж. Позволь уйти с банкета, я лучше займусь учёбой.

— Нет, сегодня ты останешься со мной, — осадил он её

недовольным взглядом.

От Азалии убегали все, кто бы ни подходил. Спустя год смотрин, женихи графств уже перестали даже смотреть в её сторону, обходили и старались не находиться рядом. Девушка довольно улыбалась себе и прятала эту улыбку за веером. Это был тот самый результат, которого она и добивалась.

Ушёл даже придворный шут, который много лет развлекал толпу и потешался над королём. Он бросил неосторожную шутку в сторону Азалии, вызвал в зал и «слишком пошло» ущипнул. Луи Сердобольному пришлось уволить его — истерика Азалии не знала краёв из-за такого жеста. Больше полугода замок обходился без развлечений — некому развлекать народ.

Запах готовой перепёлки наполнил зал. Пришло время рассаживаться по столам для ужина. Азалия сморщилась и стала раздувать аромат по бокам от себя. Кислый ком припал к горлу.

Этих перепёлок по пути к королю словили барон Рогир и его сын Робин в качестве подарка. Они гордились уловом, предлагая каждому опробовать молодых птиц, которых повара щедро осыпали приправами. Барон заметил отрешённость принцессы.

– Неужели вам совсем нечем угодить, Ваше Высочество?

– Меня только книги интересуют, — тихо ответила та, продолжая гонять воздух вокруг себя.

Мужчина взялся за живот и разразился хохотом. Азалия

скривилась и отвернулась. Главной причиной отказа Робину был дом, в котором он вырос.

— Женщина не должна думать о таких умных вещах, — заявил Рогир, хлопая по столу. Король не осуждал его, позволяя говорить и смеялся вместе с ним, только тише. — Умная женщина никогда не найдёт себе мужа. Поэтому бросьте эти мысли и приступайте к трапезе вместе с нами. Перепёлку на Вашей тарелке поймал лично Робин.

Девушка не изменилась в лице и показательно проигнорировала барона, за что Луи пришлось извиняться.

Она действительно оставалась непоколебимой, и Робин убедился в этом лично. Азалия отодвинула от себя тарелку, вздёрнула подбородок и продолжила обмахиваться веером. До этого ему об этом доложили стражники и прочие юноши.

— До меня дошли слухи, что даже твоего любимого шу-та она прогнала, — говорил барон королю, позабыв про все правила приличия. К пряному мясному аромату присоединился и смородиновый, горький, кислый, спиртовой. Мужчины распивали ту самую настойку и быстро пьянели.

— Это моя Азалия, с ней ничего не поделаешь, — улыбался и вздыхал король. Его щёки и нос горели ярким румянцем. — Но я распорядился, чтобы нам подготовили других артистов. Тот всё равно был старым и хромым.

Король встал из-за стола, чуть покачнулся и поднял вверх кубок с настойкой. Он прочистил горло, сделал тост за успехи на войне и громко крикнул:

– Представляю вам новых королевских шутов! Итан и Фокс!

Зал наполнился шумом чужих голосов. Даже справа от принцессы, где сидела баронесса со своей дочерью, зашумели и захихикали. Азалия не хотела обращать внимание на шутов, но всё равно подняла на них свой недовольный взгляд — деваться было некуда.

Они вышли из-за скрытного прохода, через который обычно ходили слуги. Первым шёл высокий, стройный и крепкий юноша. Он смотрелся нелепо в костюме шута — тот сидел на нём как мундир графа или короля. Подчёркивал тело и мускулы. Второй шут уже больше был похож самого на себя. Его бубенцы звенели при каждом шаге и прыжке.

Ему не нужно было прилагать никаких усилий, чтобы кататься по полу колесом, ходить на руках и впечатлять публику своей гибкостью. Встав на пальцы, он завалился назад и неестественно прогнул спину так, как ту никогда бы не согнула даже кошка! Тихий хруст донёсся до ушей Азалии. Юноша встал на ноги, оттолкнулся и выпрямился, словно струнка.

Колпак слетел с его головы, показав всему королевству рыжий цвет волос. Низкий шут был похож на хитрого лиса: улыбался ехидно, шурился и хихикал как юродивый.

Другой шут надавил на плечо для поклона. Он выделялся своей серьёзностью.

– Итан, — представился юноша.

— И Фокс, — звонко крикнул второй шут, выпрямляясь, надевая колпак и приставляя руку к сердцу. — К вашим услугам, Ваше Величество!

— Готовы служить вам верой и правдой, — добавил Итан и тоже выпрямился.

Луи Сердобольный расцвёл при виде юношей. Он захлопал в ладони, зал подхватил и повторил. Король бросил короткий и многозначный взгляд на свою дочь, и той пришлось сложить веер, отложить его и тоже встать.

Её лицо едва держалось, чтобы не скривиться в недовольстве. Без веера нельзя было спрятать губы, сжавшиеся в тонкую полоску. С открытым лицом надменный взгляд Азалии ещё больше отталкивал юношей — пропала та нотка загадочности, по которой те гадали её настроение. Ладони хлопали друг в друга тихо, слабо.

Азалия смотрела сквозь гостей. Глаза были направлены на деревянную дверь позади них, ведущую на площадку и королевский сад. На сердце заскрипели струны.

После приветствия королевской семьи, принцесса стала первой жертвой рыжего шута. Он перехватил отрешённый взгляд, в два прыжка настиг её, взял за руку и дерзко поцеловал в пальцы. На мгновение Азалия встретила с его хитрым лисьим выражением — глаза были карими, почти чёрными, и в них играли черти со свечами.

Щёки вспыхнули от возмущения, кончик носа дёрнулся, губы сильнее стянулись в полоску. Принцесса вырвала ла-

донь из рук шута, взяла веер и замахнулась для удара. Но Фокс уже прыгнул назад и с громким хохотом спрятался за спиной Итана.

— Папа! — крикнула она, повернувшись к королю. Тот положил ей руку на плечо и кивнул. Пришлось сесть на место. Веер вернулся на своё прежнее место к возмущённым щекам.

— Я не стану казнить их по первой твоей просьбе, — отчеканил он и затем обратился снова к шутам, раскидывая руки по сторонам. — Принцесса Азалия — девочка с характером, не обижайтесь на неё. Прошу, устройте нам шоу. Мы заскучали без шутов!

Злоба на шутов, отца и сам банкет встала маленькой, острой костью в горле. Азалия намеренно отвернулась от всех, сложила ногу на ногу и отказалась даже от салата с яйцами, ради которого стоило оставаться за столом.

Шуты повиновались приказу и начали своё представление. Фокс прошёлся по тарелкам, взял яблоко, гранат и апельсин, начав жонглировать ими. Самая настоящая дерзость! Фрукты были дорогими и служили декорацией к столу. Но кто-то из гостей бросил в него ещё парочку, Итан поймал их и осторожно добавил к композиции. Фокс ни разу не сбился.

Предсказуемо.

В то же время Итан размял свои плечи и попросил вынести слуг два деревянных меча.

— Есть ли кто-то в этом зале, кто сможет сразить шута фехтованием? — спросил он.

Добровольцы не хотели выходить из-за своих столов, увлечённые едой и напитками. И их отцы никак не могли выгнать сыновей в зал. Итан положил меч, пнул его ногой, заставив крутиться. Деревянное лезвие остановилось напротив Робина. Тот уверенно встал, приняв вызов.

— Глупый шут, — его голос был таким же громким, какой и у барона: отражался от стен, и гудел в ушах Азалии. — Я уже больше года держу оборону на границе. Думаешь, сможешь меня победить?

— Вот тут мы и узнаем, молодой господин, — кивнул ему в ответ Итан и бросил меч. — Произведите впечатление на невест и принцессу.

Глаза Азалии снова закатились, и она откинулась на спинку стула. Смотреть больше не на что, поэтому пришлось стать свидетельницей показательного боя. Робин, несмотря на свою богатую и крепкую родословную, оказался сильно ниже и мельче шута. Юноша будто вышел на битву с медведем, а не человеком. Азалия спрятала усмешку за веером.

— Не смотри, что мой брат такой, — шепнула девица, сидящая к ней плечом. — Шуту он точно не поиграет.

Её губы скривились в довольной улыбке. Беатриса, дочь барона, совсем не стеснялась своих эмоций и использовала свой веер только, чтобы разгонять духоту. Она жадно вцепилась взглядом в спину брата.

Выдох вырвался из уст Азалии. Она только моргнула, как перед ней снова возник Фокс и положил гранат. Он возвращал фрукты на стол, но не в правильном порядке. Более высоким по статусу девушкам юноша подложил дорогие фрукты, остальным яблоки. Затем вернулся к королевскому столу, встав рядом с принцессой.

Он обратился к Беатрисе:

— Не недооценивай Итана, — подмигнул Фокс и одарил улыбкой. Девушка засмотрелась на него и захлопала ресницами. — Он не такой простой шут, как может показаться.

Фокс повернулся боком, не мешая обзору. Итан действительно стойко стоял напротив Робина и отбивал каждый его выпад. Сначала юноша не старался. Стоило лису освободить пространство и уйти, как вдруг сила пришла к Итану. Деревянный меч парировал удары, почти выбивал оружие из рук соперника и позорно колол Робина то в бок, то в плечо, то в живот.

Ни один мускул не дрогнул на лице Итана. Леденящее спокойствие.

Азалия покосилась на отца и барона. Её уши зашевелились и напряглись, подслушивая их разговор.

— Неужели Робин прогуливает занятия? — Рогир надулся и покраснел. Но взгляд его был совсем туманным — заслуга хорошей настойки.

— Сам король распорядился, чтобы Итан занимался фехтованием. — Фокс успел обойти стол, встал между девушек

и стал сплетничать с ними. Из-за его шепота Азалия не услышала ответ отца. — Ума не приложу, чем ему так понравился этот здоровяк.

От настоящего медведя его отличала только отсутствие растительности по всему телу. Он внушал страх своими размерами и мастерством. Робин запнулся о ногу и упал на потеху публике. Беатриса восторженно ахнула — её впечатлило выступление Итана.

— Я выпил и не в форме после дороги! — оправдывался Робин, подскакивая обратно на ноги.

Как бы быстро юноша ни пытался встать после падения, его репутация оставалась смоченной неудачей. Робин плюнул и ушёл обратно на своё место. Юродивый шут исчез так же быстро, как и появился. Его тонкое тело показалось из-за широкой спины победителя.

И тут же один шут поднял другого. Итан бросил друга в воздух так легко, будто тот весил всего пару фунтов. Фокс летел высоко и уверенно, он смог покрутиться и приземлился на вытянутую руку товарища пальцами.

Сердце пропустило удар. Азалия, увлечённая подслушиванием отца, краем глаза заметила начало выступления и больше не смогла оторваться. У Фокса подогнулся локоть, он начал падать вниз, но шея его так и не изогнулась от встречи с полом. Шут потянул за собой другого шута, и оба покатились колесом.

Страшным колесом, от которого сжималось всё нутро.

Итан продолжал кидать своего товарища, тот уверенно приземлялся на пальцы и ходил на руках. Совсем ничего не боялись: ни кривых полов, ни заноз, ни травм. Зрители по кругу подначивали их, хлопали в ладони и свистели.

Одно из яблок легло на колпак Итана. Фокс одолжил у барона его охотничий нож и начал целиться, прикрыв глаз.

Азалия не выдержала зрелищ. Она проскрипела стулом и вышла из-за стола. Принцесса обратила на себя всеобщее внимание, в ответ на которое скрылась за надменностью и веером. Внутри неё поселились кошки. Они устроили ожесточенную драку, царапались и цеплялись острыми когтями за горло.

Она не хотела становиться свидетельницей неосторожного убийства. Она бросила только грубое: «Идиоты!» — и покинула зал, громко хлопнув тяжелой дверью.

Даже свежий ночной воздух и витающий в нём аромат смородиновых кустов не успокаивал тревогу внутри. Она кипятилась, заставляла ускорять шаги и снова возвращаться к дверям. Веер тоже вёл себя совсем непривычно: размахивал не тот воздух, подгонял больше духоты и вообще впитал в себя тошнотворный аромат специй и перепёлки.

Аплодисменты и свист были слышны даже на улице. Фокс справился и не заколол своего друга острым ножом — браво! Только от этого принцессе легче не становилось. Развернувшись, она ушла от двери, застучала своими небольшими каблуками в сторону сада и остановилась.

Остановилась, чтобы проглотить тревогу.

Тонкие пальцы коснулись лица — щёки горели. Азалия забегала глазами, опасливо осмотрелась и сделала глубокий вдох. Никто не должен был видеть её румянца, страха и беспокойства. Одно дело — уйти, скрывшись веером, другое — если кто-то увидит эмоции вблизи.

— Отвратительно, — выругалась она, смахивая с себя беспокойство. — Насколько же там душно в этом зале. Ещё и эти... тц, лишь бы зрелищности добавить!

— Простите, Ваше Высочество, — громкий и задорный голос ударил по Азалии тяжелым молотом. Надменность и цинизм не успели вернуться на прежнее место, их отсутствие скрыл кружевной веер. — Мы не хотели вас разочаровать.

— Не подходи, — второй, спокойный голос звучал дальше и тише.

Принцесса не спешила разворачиваться и отвечать мужчинам — неприлично. Нога непроизвольно поднялась, каблук с громким стуком ударился о каменную дорожку. Этого было достаточно.

Но так не считал Фокс. Вопреки запрету Итана, он обошёл принцессу, наклонил голову и заглянул ей в глаза, высматривая там интересную эмоцию. Но в ответ он получил всё те же хмурые брови и тяжелое дыхание. Маска вернулась на прежнее место.

— В чём дело, Ваше Высочество? — продолжил он напирать. Юноша сделал неосторожный шаг навстречу, Азалия

отступила. — Расскажите нам, мы поменяем выступление так, чтобы вам понравилось!

— Приличной даме не положено общаться с мужчинами наедине.

Подбородок вздёрнулся вверх. Ноги понесли Азалию туда, куда смотрели её носки — в сад. Всё нутро сжалось от беспокойства, девушка совсем не собиралась сегодня гулять там. В высокой башне умершего ученого её ожидали открытые книги и трактаты. Но послушаться приказ ног было невозможно — нельзя упасть в грязь лицом нелепой сменой своего пути.

Шут пошёл следом — принцесса слышала шарканье его ступней о дорожку.

— Фокс, даже не думай, — голос Итана стал более строгим и твёрдым. В ответ на предупреждение шут рассмеялся.

— Я хочу узнать, почему у принцессы так неровно бьётся сердце.

— Оторвать бы тебе твой длинный язык!

Азалия не смогла сдержаться и приложила веер к губам. Только что она ответила мужчине. Шуту. Обычному слуге, с которым не имела права общаться по титулу. Щеки снова покраснели от стыда. Принцесса поспешила спрятаться среди смородиновых зарослей.

Веер под её пальцами затрещал. Он привлёк внимание юродивого, тот продолжил идти следом, сохраняя лишь небольшую дистанцию. Спинай Азалия чувствовала его ух-

мылку, насмешку и в ответ скрипела зубами.

Молодой шут хуже старого. У старого никогда не было сил гоняться следом за принцессой и подначивать её. Он только щипался, проходя мимо, и подсовывал изюм в руки.

Грузом на душу лёг и второй шут, нависавший над ними словно тень. Азалия опасливо озиралась.

— Вау, теперь я понимаю, почему королевство зовут Смо-
родиновым! — восхищённо протянул сзади фокс и ударил
своими словами по спине Азалии. Дрожь пробежалась по
той. Несмотря на длинную мантию, скрывающую девушку с
ног по плечи, она продолжала чувствовать холод. — Не же-
лаете провести нам экскурсию, госпожа, как новеньким?

— Фокс, нам надо уходить, — причитал Итан. Азалия
невольно кивнула ему в ответ, пару раз моргнула. — Нам не
положено.

— Да ладно тебе, кто узнает? — Фокс обернулся к товари-
щу и столкнулся с ним грудью. Принцесса проявила неосто-
рожность, на мгновение остановилась и обернулась, бросив
на мужчин насмешливый взгляд. Её бровь вскинулась. Те по-
смотрели на неё в ответ.

— Я расскажу папеньке, — сложно прятать усмешку в го-
лосе, когда веер едва прячет ухмылку. Голос дрогнул всего
на одну ноту выше, а Фокс уже прыгнул к принцессе и почти
столкнулся с ней. Горло снова сдавило беспокойство. — За-
кричу и расскажу, что пристаёте ко мне!

— Вам же нельзя прогуливаться с мужчинами, Ваше Вы-

сочество.

Фокс растянул ухмылку в ответ и приглушил голос. Итан одёрнул его сзади. Юродивый шут приложил одну ладонь тыльной стороной ко лбу, вторую — на сердце. Бубенцы тоскливо зазвенели.

— Ах, как же грустно, что сама принцесса отвергает такого красивого и харизматичного шута! — его голос сделался тонким и настолько печальным, что пробирал до самой глубины души. Сердце Азалии прокололи насквозь, хотя сама она совсем ничего не чувствовала к юноше.

— Пойдём, ты перегибаешь палку. — Итан потянул его за шиворот к выходу из сада. Тень недовольства и злобы промелькнула на его лице.

— Неужели ты ревнуешь, Итан? — Фокс вывернулся, отпрыгнул и вернулся в своё прежнее настроение.

Азалия нахмурилась, повернулась к шутам полностью и отступила назад. Её взгляд бегал то от одного, то к другому, выжидая подвоха и опасности. Но он видел только довольную ухмылку юродивого.

Ещё девушка заметила, как раздулся перед ней Итан. Она была готова поклясться, что слышала треск ткани и швов на его пёстрой рубашке. Мужчина теперь уже с большей решимостью взял Фокса за шиворот и потянул его на выход из сада, не забыв при этом бросить сдержанное:

— Извините шута, Ваше Высочество.

Пока Азалия моргала, двое слуг уже успели покинуть сад

и облегчили воздух, оставив том только свежий смородиновый аромат. Нос зачесался. Веер, пострадавший в этой войне скромности и стеснения, почесал кончик. Тишина, прерываемая только стрекотанием сверчков, нарушилась ещё и громким чихом.

Они покинули её — от этого было радостно. Но какая-то непонятная пустота осталась в груди, в саду и в этой темноте.

Азалии стало скучно.

Глава 2. Утро

Утренние процедуры всегда помогали Азалии прийти в себя и надеть привычное лицо перед выходом к людям. Но сегодняшнее утро сильно отличалось от всех прочих. Вечерний отказ от еды, бессонная ночь, проведённая за чтением романа в высокой и тёмной башне с одной лишь свечкой, сделали своё дело: глаза сохли, голова кружилась и тяжелела. Принцесса проснулась далеко не с первого раза, служанкам пришлось тянуть её за руки и поднимать с кровати насильно.

Нянечка решала проблему радикально: она приносила бадью с ледяной родниковой водой и насильно умывала свою госпожу. Такое сонное утро было не первым в её календаре, и каждое женщина причитала:

— Не положено особе вашего статуса шататься по ночам!

— Анна, прошу, не повторяйся. — Азалия махнула рукой и потерла сохнувшие глаза. — Твой голос ужасно громкий. Он гудит у меня в ушах.

— Спать нужно ложиться раньше, — продолжала пухлая женщина, переваливаясь с одной ноги на другую. Из фартука она достала маленький сосуд и открыла тот. Резкий травянистый запах наполнил покои принцессы. — Откройте свои глаза.

— Убери его! — воспротивилась Азалия и тут же запрыгнула на кровать. — Этот сок ядовит, неужели тебе неизвест-

но?

— Поменьше читайте своих книг! — продолжала напирать женщина и кивнула головой служанкам. Тем пришлось пойти навстречу принцессе. — Сок красавки сделает ваш взгляд яснее. Сейчас им пользуется каждая приличная дама!

— Вот вы им и пользуйтесь, а меня не травите!

Ноги Азалии с силой оттолкнулись от мягкой перины и приземлились на деревянный пол. Тонкие руки маленьких служанок потянулись к принцессе, но та сделала шаг в сторону и побежала к выходу с покоев.

На теле висела одна только ночная сорочка, волосы ещё не были причёсаны и собраны после сна — самое настоящее безобразие! Сейчас в замке гуляли новые слуги, господа и женихи, перед которыми оскорбительно показаться в таком виде. Но Азалия сейчас думала о своей сохранности.

Она потянула на себя тяжелую дверь, вышла и захлопнула ту прямо перед лицами фрейлин и с босыми ногами побежала по коридору, держа подол длинной ночной сорочки. Анна боялась только короля Луи и верно прислуживала ему. Азалия игнорировала вздохи проснувшихся и одевшихся дам, расталкивала всех служанок и едва ли не падала — ступни скользили по мягким коврам.

Она столкнулась даже с бароном Рогиром и его сыном возле дверей зала.

— Ваше Высочество, не положено в таком виде представлять перед мужчинами! — Его большая рука потянулась к

плечу принцессы, но та отбила ладонь с громким хлопком. Робин предпочёл отойти в сторону и пропустить недовольную, раскрасневшуюся и растрёпанную леди, но глаз с неё не сводил.

Не прогадал. Азалия кивнула ему и зашла внутрь. Ещё было рано для приёма феодалов и жителей — слуги ещё не убрались после застолья и только собирали остатки пищи. Но Луи уже сидел в своём тронном кресле и о чём-то разговаривал с двумя герцогами. Они повернулись к принцессе и прикрыли свои изумлённые рты.

Рядом с королём стояли и шуты, Азалия удостоилась и их внимания, удивлённых вздохов. Итан закрыл глаза Фоксу и отвернулся первым.

Громкий ворчливый голос Анны отражался от высоких стен за спиной Азалии. Она опасливо обернулась на него, затем проглотила последние крупички стыда и прибежала к отцу. Тот встал с трона, снял с себя мантию и накрыл плечи дочери, спасая от всеобщего внимания.

— Анна снова недовольна твоей бессонницей? — спросил Луи, пригладив волосы Азалии. Его брови были нахмурены, но улыбка и блеск в карих глазах выдавали короля с потрохами.

— Хуже. — Только и успела она ответить, как двери зала снова с грохотом отворились. Принцесса шмыгнула за спину отца и вытянула руку, указывая на вошедшую со служанками фрейлину. — Она хочет закапать яд мне в глаза!

— За такой проступок мало лишить вас зрения, Ваше Высочество! — отвечала ей Анна, хмурясь и пыхтя.

Герцоги затихли и переглянулись друг с другом. Они не смели нарушать перепалку двух женщин, решили отойти немного в сторону и увлечённо зачесали свои подбородки. Фокс, несмотря на запрет Итана на передвижение, вышел из-за трона, встал позади принцессы и кивал то Анне, то Азалии, не забывая корчить рожицы.

— Сок красавки ядовит и лишает зрения! — продолжила настаивать на своём принцесса. Король обнял её за плечо, поддерживая. — Пусть другие страдают, а я не собираюсь.

— Ваши книги лишат Вас зрения раньше, — Анна тоже не собиралась сдаваться. Её взгляд на мгновение зацепился за рыжего шута — он кивал ей в ответ и ничуть не улыбался. — От пары капель Ваши глаза засверкают и перестанут болеть. И вообще немедленно вернитесь в покои! После такого ни один жених не захочет жениться на вас.

— Я и не ищу себе жениха! — отвечала Азалия. Фокс изумлённо открыл рот и прикрыл его рукой. Девушка, заметив жест краем глаза, позволила себе грубость и толкнула шута, что тот пошатнулся. — Приму обет и уйду в монастырь!

— Азалия, милая, это не обязательно. — В их конфликт вмешался Луи. Он сильнее сжал плечо дочери, наклонился к ней и мягко улыбнулся. — Не хочешь выходить замуж — живи и дальше, как сейчас. Только не уходи в монастырь —

это лишнее.

— В монастыре скучно и нет таких смешных шутов, — влез и Фокс. Тут уже его за шиворот сзади утянул Итан, бросив тихое: «Не мешайся».

Конфликт двух женщин король решить не смог. Анна была уверена в своей правоте и настаивала на использовании косметики, Азалия в ответ на это цитировала страницы травников и препиралась. Им пришлось остаться при своих мнениях и отказаться от использования всего того, в чей полезности сомневалась принцесса.

— Вы слишком сильно балуете её, — напоследок бросила няня королю.

— Она — моё единственное сокровище, — улыбнулся тот и вернулся к обсуждению с герцогами.

Королевская мантия так и осталась гордо лежать на плечах принцессы. Её подол волочился, Анна приказала служанкам поднять полы и не пачкать дорогую вещь. Они подчинились. Но как же та была тяжела! Две худенькие девочки едва держали спины ровно, а Азалия шла с поднятым подбородком, уверенно ступала вперёд и даже подгоняла фрейлин следом за собой. Принцесса была ненамного больше них, но будто бы совсем не чувствовала вес тёплой и тяжелой мантии.

То было правдой. Единственной проблемой стала ноющая поясница, но ту девушка игнорировала, стиснув зубы. Азалия раньше так часто примеряла отцовскую мантию и коро-

ну, что уже перестала чувствовать их вес. Почти.

Была ещё одна причина, по которой девушка могла так спокойно ходить с тяжелой ношей на плечах.

Ежедневные занятия фехтованием.

Они проходили совсем не как у мужчин. Принцесса — первая леди во дворе, — была обязана уметь фехтовать во всей своей красе. Ни тяжелая юбка, ни высокая причёска, ни каблучок — ничего не должно было ей мешать в случае настоящего боя. Поэтому Азалия тренировалась в своём обычном наряде и проклинала отца за эту гениальную мысль.

Пропустив завтрак, подняв к лицу обратно свой веер, принцесса шла по коридорам замка вместе со своими служанками. Нянечка оставила их, ушла заниматься своими делами и отстирывать репутацию перед прочими работниками, заставшими их в неподобающем виде. Принцесса не чувствовала ни капли стыда за себя.

Она не хотела и идти на занятия. Вскинув подбородок, девушка прислушалась к шуму коридора, затем к тишине кабинета её учителя, имя которого она каждый раз забывала после занятий. Коротко она звала его «Ал» — совсем как лай пса.

Каблучок тихо застучал по каменному полу. Азалия прошла мимо кабинета, мечтая о том, как сейчас она вместе со служанками заглянет в библиотеку, возьмёт оттуда очередной роман и станет читать его вслух.

На плечо легла чужая ладонь. Хриплый кашель раздался

за спиной. Кошки снова зашевелились внутри Азалии и заставили её медленно повернуться. Наставник по фехтованию — бородатый светлый мужичок ростом чуть выше принцессы, — смотрел на неё хмуро и осуждающе.

— Вы пропустили прошлое занятие, Ваше Высочество, — голос его был тихим и хриплым.

— Я была занята, — также тихо ответила Азалия, прикрывая стыдливо покрасневшие щёки веером.

— Чтение романов — не занятие. — Мужчина взял принцессу за предплечье и потянул к выходу из замка. На широкую площадку, где всегда и проходили их тренировки. — Романы не сделают Вас сильнее и не научат обороняться.

Он был единственным мужчиной, кому король позволил так обращаться со своей дочерью. Пришлось подчиниться и закатить глаза. Служанки, стоявшие молча в стороне, пошли следом.

Яркий солнечный свет ударил в глаза Азалии. На пару мгновений она зажмурилась, заморгала и разогнала от себя утреннюю духоту. Фрейлины упали в ноги, подняли подол платья до щиколотки и подвязали его лентами, обнажая всему миру изящные туфельки на каблучке. Личное изобретение принцессы для упрощённых тренировок с Алом.

— Могу ли я хоть сегодня снять юбку? — спросила Азалия у наставника. Веер она вложила в руку Евы, одной из служанок. Под юбкой у принцессы были надеты удобные панталоны, которых она совсем не стеснялась.

— Их Величество велел, чтобы Вы тренировались в юбке, — мужчина подобрал с пола заготовленные деревянные клинки и осмотрел их. — Враг не будет ждать, когда вы снимите её.

— А моя юбка быстро снимается. — Принцесса указала на ленту, обвязанную вокруг талии бантом. — Прошу! Так тяжело бороться с вами и следить за подолом!

— Ваши юбки не снимаются одним движением и мешаются потом в ногах, — продолжал наставник. Он бросил меч, который девушка лениво поймала и едва не уронила. — Начинаем!

Стоило Азалии только взяться за рукоять, как вся её женственность испарялась. Взгляд становился уверенным и внимательным, волосы будто пропитывались смолой и не смели двигаться, падать на лицо и мешаться. Даже подол юбки почти не шевелился при ходьбе, боясь быть оторванным своей строгой хозяйкой.

Принцесса злилась. Злилась на свои обязанности и положение. И эту злобу она вливала в удары и выпады.

Азалия ненавидела просыпаться рано утром, чтобы выглядеть перед слугами и гостями изящно. Хоть раз в жизни ей хотелось бы проигнорировать правила, проснуться поздно и встретить солнце, склоняющееся уже к закату.

Она ненавидела пышные юбки и тугие корсеты, которые няня затягивала до хруста рёбер. Из-за них Азалия почти не дышала, с трудом уходила от ответных выпадов наставника

и была вынуждена парировать. Как хотелось развязать ленты, выбросить корсет и начать двигаться свободно! Так же свободно, как бывает по ночам или сегодняшним утром.

Каблучок на туфлях немного возвышал Азалию, изящно стучал и добавлял ей дерзости, той самой женственности, за которой стремились другие девочки её возраста. Но от него болели ступни, на пятку после пары минут тренировки становилось уже невозможно наступать. И пока Азалия думала о своей боли, думала о следующих своих шагах, она открывалась и получала удары по плечам и рёбрам.

Всё её недовольство было написано на лице. Не хватало веера, что спрятал бы хмурый взгляд и искривлённую улыбку, за которой наверняка скрипели зубы. Она была слишком сосредоточена на своей боли и тренировке, поэтому не следила и за лицом.

— С таким выражением лица ни один господин не решится жениться на Вас. — Наставник парировал её удар и сделал ложный выпад. Снова принцесса получила удар. — Их Величество учит Вас обороняться, а не отказываться от своей женственности.

— Я и не отказываюсь, — Азалия шумно выдохнула и накрыла ладонью больное плечо. На том уже показался синяк. — Посмотрите, я всё ещё стою перед вами в платье и в каблуках.

— Уже год Вы отказываетесь от замужества. — Мужчина снова сделал выпад, в ответ на который принцесса отшатну-

лась и едва не упала. — Ваш отец слишком мягко обходится с Вами.

— Ещё не нашлось благородного мужа, который не испугался бы меня, — ответила она, сжала рукоять и завела меч назад.

— И какой же муж вам нужен? — Наставник открылся для удара намеренно, но Азалия встала на месте, подняла взгляд в небо и задумалась.

— Раньше дамы сражались за мужей Линнеи, — припоминала она, приложив палец к губам. — Благородные джентльмены всегда любили своих жён и считали их равными себе. Ах, если бы был жив король Генри, его сын мог стать хорошим вариантом для меня!

— Линнея — наши враги, Ваше Высочество, — возвращал её с небес на землю Ал. Он ударил быстро, оставив на плече принцессы ещё один синяк. Затем ткнул в живот и напоследок прислонил ребро меча к горлу. — Гингельм узурпировал трон и убил всех старых наследников. Вы знаете это. Думайте о живых женихах, а не мёртвых.

Азалия бросила оружие на землю и резким движением отодвинула от себя меч наставника. Она проиграла из-за собственных мечт, слабости и юбки. Недовольство зацарапало по горлу — отец снова будет недоволен.

Подол шелохнулся от разворота.

С выдохом принцесса думала вернуть себе лицо обратно, но не смогла — между двух её служанок стоял рыжий шут.

Сняв с себя колпак, он грубо положил локти на их плечи и сладко о чём-то разговаривал — о том свидетельствовала его растянутая улыбка. За их спинами со скучающим видом стоял Итан.

Служанки выпрямились, как струнки, поймав на себе гнев Азалии. Ева, с веером, первой поклонилась и подбежала к госпоже, подав ей кружевной веер. Эн засеменила следом, упала на колени и поспешила развязать ленты, чтобы опустить фиолетовую юбку и скрыть туфли.

Принцесса одарила шутов недовольным взглядом только после того, как веер вернулся в её руки и скрыл нижнюю часть лица. Деревянный каркас снова затрещал, как и при вечерней прогулке.

— Узнаю, что крутите роман с моими служанками — станете евнухами, — пригрозила она и пару раз с силой махнула веером. Служанки опустили головы и поджали губы.

— Наша госпожа предпочитает джентльменов с Линнеи, — довольно протянул Фокс, совсем не обращая внимания на угрозы. Его веснушки весело заиграли на солнце.

— Шутам не положено общаться с Их Высочеством, — оборвал их разговор Ал, встав между ними и бросив Итану деревянный меч. — Покажи, на что способен. В жизни не поверю, что шут может победить Бучера.

Итан успел поймать оружие за ребро и коротко кивнул. Оно обошёл товарища и девушек, встав напротив соперника.

Азалия при всём своём желании хотела покинуть трени-

ровочную площадку, но не смогла. Её служанки неотрывно следили за боем широкоплечего шута и опытного наставника.

Впрочем, принцессе тоже стал интересен исход их тренировки. Она сложила веер, приложила его к губам и заинтересованно смотрела за каждым движением, дрогнувшей мышцей и шагом.

Она задумалась.

Наставнику совсем не было сложно парировать удары мужчины, больше него самого почти в полтора раза. Это у Итана возникли проблемы из-за своего роста и размера — он не всегда замечал слоняющегося вокруг него старика, пропускал удары и получал по рёбрам. Шут выставял меч совсем не так, как этому учил Ал. Эта же разница в техниках позволяла ему иногда обманывать наставника и даже попасть по нему.

— Нет лучшего фехтовальщика в королевстве, чем Альберт, — вспомнила вдруг его имя Азалия и улыбнулась сама себе. Фокс повернул голову к ней — их разделяла только Эн. — Не припомню, чтобы шутов обучали фехтованию.

— А Итан у нас особенный шут, — ответил ей Фокс. Его голос впервые был спокойным, не был наполнен озорными или насмешливыми нотками. Азалия повернулась в ответ. Их взгляды встретились. — Его нашли в медвежьей берлоге со шкурой на спине вместо одежды. Охотник думал, что он — самый настоящий медвежонок, пока не увидел лица! А

потом стал свидетелем, как Итан голыми руками валит медведя. Так и решил забрать себе.

И снова принцесса переменилась в лице, спрятавшись за веером. Эн, подслушавшая их, раскрыла рот от изумления и с ещё большим интересом стала следить за тренировочным боем двух мужчин. Она поверила в эту глупую небылицу и почти наверняка представила маленького Итана, борющегося с родителями-медведями.

Но правда была в том, что он почти проигрывал оппоненту старше него, ниже и более дряхлому. Даже такая неопытная фехтовальщица как Азалия видела его ошибки, мысленно сдвигала ноги в сторону и представляла, как бы отбила удар Альберта. «Не будь на мне платья, я бы победила его!» — прикусила губу принцесса.

Хруст коленей наставника звучал по всей площадке. Он тяжело дышал, стал медленнее двигаться, но сдаваться не намеревался. Вместо побега Альберт грациозно и легко парировал удары «медведя» и закалывал его.

Деревянный меч улетел к зрителям. Итан проиграл.

Старик уважительно поклонился и взялся за сердце. Азалия ахнула. Упасть ему не позволило крепкое плечо шута.

— Что за дурак тебя обучал? — с одышкой спросил Альберт. — Парирование ужасное, реагируешь долго, для шута ты слишком деревянный. Даже силы не хватает, чтобы отбить мои удары. Да будь я моложе, ты бы уже в первые минуты боя лишился меча!

— И этот неуч победил сына барона, — весело подначивал Фокс. Он упрыгал от девушек и встал по другую сторону от наставника, чтобы помочь ему стоять.

— И этот шут победил Робина, — тихо, с насмешкой повторила за ним Азалия.

Она не стала прощаться. Повернулась и зашагала в сторону замка. Юбка почти не шевелилась — настолько был лёгким шаг принцессы. Мужчины бросили слово в след, но Азалия их уже не слышала. Только Эн и Ева повернулись, махнув руками.

Глава 3. Антихристова философия

Башня была её убежищем. Проходя мимо возвышающейся крыши, Азалия всегда томно вздыхала и представляла, как снова поднимается наверх, закрывает за собой ржавую дверь и берёт в руки очередную книжку.

В её распоряжении была целая королевская библиотека, богатая произведениями самых разных писателей. Написаны как монахами, так и образованными господами, дамами. Стеллажи всегда пополнялись новыми изданиями. От библии до сказок — всё было в свободном доступе Азалии, кроме бережно спрятанных нянечкой на верхних полках.

Но всё это было ничем в сравнении со скромной библиотекой старого учёного. На полках стояли собственноручно описанные медицинские трактаты, травники, заметки о путешествиях и эпосы о разных королевствах — самое настоящее сокровище для принцессы. Они были дороже любых новых поэм.

Обычно Азалия сбегала в башню под покровом ночи, пока все спят, дабы об этом никто не узнал и не навесил новых нравоучений. Но именно сегодня она решила нарушить собственный завет. Спустя десятки бессонных ночей в глазах скопилось столько сухости, пыли, сколько не было на верхушках шкафов в башне.

«Ничего страшного не случится, если я пропущу одно со-

брание», — с этой шальной мыслью Азалия слегка замедлила шаг. Она остановилась возле канделябра, стала очерчивать пальцем каменную кладку. Краем глаза поглядывала, чтобы служанки, увлечённые тихим обсуждением сплетен, потеряли её из виду.

Она сняла с себя туфли, встала на носки и сделала пару шагов назад. Ноги унесли её в тайный узкий коридор, через который обычно никто не проходил. Когда-то он служил быстрым проходом для учёного, теперь же тот связывал казармы с большим залом.

Маленькие ступни шагали одна за одной, шли по знакомым тропам лабиринта и могли провести её даже в кромешной темноте. Долгий путь вперёд, затем пара поворотов. Перед последним пришлось притаиться и вжаться в стену — мимо прошли стражники и Робин вместе с ними.

— Сегодня вечером я точно одолею шута, — говорил он, ударяя себя кулаком в грудь. — Я отдохнул и не буду пить, пока не поборю его!

Проигрыш сильно задел его. Азалия тихо усмехнулась.

— Говорят, Альберт сильно заинтересовался в нём и стал брать к себе на тренировки, — рассказал один из стражников.

— Да быть такого не может! — вспыхнул Робин. — Чтобы шут учился у королевского фехтовальщика? Что происходит в этом королевстве?

Вопрос хороший. Принцесса отвела взгляд, задумалась и

затем махнула рукой – неважно, чем занимаются шуты, лишь бы это не касалось её. Всё остальное было заботой старших слуг и короля. Она прошла дальше, вышла к деревянной двери и уверенно толкнула её. Впереди возвышалась винтовая лестница, ведущая к самой башне. Ноги быстро и уверенно зашагали вверх.

Грудь наполнилась запахом застоялой пыли, затхлостью и сыростью. Крыша в башне давно протекала, отчего доски на полу частично прогнили и проросли мхом. Запах чувствовался даже у подножия.

Но именно здесь Азалия чувствовала себя спокойно и свободно. Ещё одну дверь потянула на себя, вошла в небольшое круглое помещение и выдохнула. Туфли остались стоять у входа. Принцесса подола к окну, открыла то, и лёгкий ветер зашевелил пряди её волос. Веер лёг на подоконник.

— Наконец-то я одна, — улыбка, доступная только призраку башни, озарила её лицо.

Довольная. Счастливая. Свободная.

С башни было интересно наблюдать за слоняющимися слугами и фрейлинами. Сейчас они искали принцессу с напуганным видом, и когда увидели ту в окне башни, то указали пальцем. Азалия ухмыльнулась и ушла за книжкой.

Никто к ней не придёт, кроме самого короля. Проход слишком узкий для стражников в доспехах, узкий и для полной нянечки. Служанки одни не пойдут через казармы из-за трагичного случая – одной из них воспользовался не са-

мый честный страж. Поэтому остальные боялись ступить в сторону башни.

Азалия не боялась. У неё были статус, покровительство отца и сила.

К ней не могли войти и снаружи — дверь на выход из башни давно заржавела и закрылась навсегда. Даже король чаще всего дожидался её в казармах. Он и не препятствовал ей, не ограничивал — то было бесполезно. Принцесса всё равно сбегала и оседала наверху.

Идеальное место для уединения. Не нужен был ни монастырь, ни поход в горы.

Между книг на полке незаметно лежал клинок. Азалия провела пальцем по его рукояти, улыбнулась и взяла соседнюю книгу в кожаной обложке. Его оставил ей отец при последнем посещении, и, к счастью, он ни разу так и не пригодился.

Затогодились трактаты, пылившиеся в этой башне десятилетие. Их никто не читал. Старший слуга уже думал освободить комнату от лишнего хлама, но король ему запретил.

Азалия улыбнулась.

На развороте чернилами был нарисован маленький цветок. Колокольчик с круглыми листьями — особенная подпись учёного.

Его почерк отвратителен. Даже сейчас девушка с трудом его могла прочитать, но оттого только сильнее подогревал-

ся интерес. Учёный писал очень грубо, быстро и остро, совсем не думая о своём будущем читателе. Часто он зачёркивал слова и целые предложения, переписывал их и оставлял в таком виде. Все его работы были похожи на сборник черновиков и собственных заметок.

Первым расшифрованным трактатом стал травник. Его помог расшифровать сам старик. Он же и научил Азалию читать.

— Азалии нужно учиться женственности и этикету, — голос молодого короля всплыл в воспоминаниях принцессы, будто она снова вернулась в тот день. — Твою заумную литературу лучше оставить на какого-нибудь парнишку.

— Принцесса должна быть не только красивой, но и умной, — эти слова она выцарапала в своей голове и повторяла как мантру. — Если когда-то ей будет суждено изменить мир, то она должна быть готова.

Азалия села в старую тахту. Перьевая подушка давно уже отсырела и перестала держать форму, стала жесткой. Тело уставало, поясница знакомо ныла, а в спину стреляло болью. Принцесса продолжала сидеть на ней из-за старой привычки. Так её учили чтению. На старой подушке с травником на сложенных ногах, принцесса впитывала каждое новое слово, а потом, когда выходила с башни вместе с отцом в сад, рассказывала про каждый цветочек и кустик.

Сейчас на ней лежал совсем другой трактат. Он был подписан именем самого старика: *«Вигмар Форест. Антихристова философия»*. Книга о человеческих телах, описанная настолько глубоко и подробно, за что церковь могла признать старика еретиком и подвергнуть самой настоящей инквизиции.

Ногтем Азалия подцепила страницу и открыла книгу на уже знакомом ей параграфе. Она прикусила губу и сглотнула подступивший ком.

Это был разворот с двумя телами — иначе их уже не назовёшь. Мужчина и женщина. Старик был не только ученым, но и хорошим художником — всё для того, чтобы в подробностях зарисовать чрева жертв науки. Их Вигмар назвал «Адамом» и «Евой». Чёртов шутник.

— Юродивый, — выругалась Азалия и стала водить пальцем по пергаменту. — Повезло тебе, что король скрыл это.

Тела мужчины и женщины внутри практически не отличались. Разница в том, что было ниже пояса, и одно давало семя, другое — жизнь. Принцесса всмотрелась во внутренности женщины, там же стояла пометка, что *«именно этот орган дарует жизнь и наказывает за бездетность»*. Резкий выдох согрел страницы. Ногти зацарапали страницы.

Вигмар описывал процесс зачатия и деторождения не как святое пришествие. Он сравнивал женское чрево с земляным сосудом, в которое мужчина погружал своё семя. Все проблемы со здоровьем приходили от отцов. Даже смерти

при родах он связывал с хранителями семени.

«Если женщине тяжело в вынашивание, значит, плод внутри съедает её и губит. Посему матери необходимо выбрать самого здорового и благородного мужа, чтобы его любовь оберегала и исцеляла».

Азалия кивнула и перелистнула страницу. Её глаз задёргался.

Вигмар решил углубиться в нутро «Адама». Он подробно зарисовал его «достоинство» как в целом виде, так и в препарированном. Кожа вскрыта, внутри непонятные мешочки, ведущие куда-то в брюхо мужчины.

Ладшки сами собой захлопнули книгу. Азалия только оставила кончик пальца в качестве закладки и отвернулась. Её нужно было перевести дух.

До этого девушка читала о травах, истории, окружающем её мире. Самой рискованной литературой для Азалии была обширная критика церкви — Вигмар был странным человеком, понять которого смог только король. А самой интимной и запретной была книга в фиолетовой обложке с любовными романами и букетно-рыцарским описанием сношения.

Азалия не могла даже и представить, что настолько близко познакомится с мужским достоинством в книге какого-то еретика. Ей нужно было время для переосмысления.

Она потупила взгляд в потолок, потёрла виски и заморгала. В голове снова возникла та картинка из трактата. Перед глазами нарисовались и мужчины — не только рыцари, но и

даже её собственный отец! — у которых отсутствовала одежда ниже пояса. Вопреки всем плевкам, стонам и брезгливости, воображение само дорисовало соответствующую картину.

— Ах, Дьявол тебя подери! Сжечь бы тебя на костре за такую ересь! — выругалась Азалия и шумно выдохнула. Она дотронулась до собственных щёк, почувствовала их жар, и зажмурилась, прогоняя образы перед глазами. — Папенька слишком много позволил тебе!

Глубокий вдох наполнил лёгкие девушки воздухом. Бежать нельзя — нужно учить дальше. Книга снова открылась на том злосчастном развороте. Взгляд зацепился за строчку в самом низу, написанной очень аккуратно и тонко:

«Принцесса Азалия, надеюсь, я не слишком шокирую Вас этой картиной».

Чернила ещё не успели выцвести и сильно впитаться в бумагу. Эти слова были написаны намного позднее, и девушка усмехнулась тому. Вигмар знал, что она прочтёт «Анти-христову философию». Намеренно оставил ей записку, более подробно расписал некоторые моменты и буквально заставил позеленеть собственную ученицу.

— Нет, — вырвалось с выдохом, — это ты самый настоящий Дьявол.

И тому в подтверждение были следующие страницы, в которых Вигмар не только описывал все мешочки и их пути, но и дал точную инструкцию по кастрации мужчины. Вскры-

тие, перевязка и удаление. Главное во время операции дать пациенту хорошенько выпить, иначе есть риск потерять его.

Никто при дворе не умел делать из мужчин евнухов — запрещено церковью. Их привозили всегда с Востока, куда направляли на обучение врачеванию и травничеству. Вигмар тоже проходил обучение и, на удивление каждого, смог по возвращению родить дочь.

«В молодости, чтобы стать придворным врачом ещё до вступления на трон Луи Сердобольного, я отправился на обучение на Восток. Люди там колоритные и не обременены рамками церкви. Чтобы стать врачом, я был обязан пройти обряд. Я его не прошёл, подставил вместо себя бедного парнишку и воспользовался его смертью. Тело выбросил в реку под покровом ночи».

Пальцы сжались, нутро похолодело от этих строк. В «Антихристовой философии» Вигмар позволил себе больше свободы мыслей и совсем не стеснялся откровенничать с читателем — это шло в разрез с представлениями Азалии. Она запомнила его как шутливового, внимательного и очень умного старика. Тот никогда не отказывал ей, помогал некоторым больным и относился к работе профессионально.

Дальше Вигмар рассказал о традициях, обучении и всех жертвах. Старик не имел никакого сочувствия к больным и препарированным — в этом он честно признался в своём рассказе.

«Жаль, что церковь не позволит жертвовать даже пре-

ступниками ради науки».

За этим умением стоял самый настоящий цинизм. Возможно, именно поэтому тяжело больных привозили только к Вигмару — он не был обременён сочувствием, человеческими переживаниями и мог дать самое радикальное и качественное лечение.

От «Антихристовой философии» стынул дух. Азалия не была согласна с его выводами, не хотела поддерживать их. Однако, именно эти выводы и опыт смогли сделать из Вигмара самого настоящего колдуна. В последних сплетнях о нём говорили, что «учёный возвращал к жизни умерших и заставлял их сражаться. Даже рыцари с вырванными сердцами восставали из мёртвых».

«Что бы обо мне ни говорили, Азалия, всё это — ересь. Я только зашивал раны и при помощи травяных комплексов помогал им быстрее зажить. Нашим монахам и врачам не хватает простой санитарии, до которой дошёл уже весь остальной мир».

Поэтому он, признанный колдун, ушёл в тень, чтобы не подвергнуться инквизиции. Король спрятал его в высокой башне, время от времени приводил больных и просил снова заняться «колдовством».

Азалия тоже ушла от всего мира в башню. Закрылась в той с чужими книгами и через них познавала то, что обычной женщине никогда не суждено увидеть. Она выпрямила спину, подняла голову и выдохнула. Голова набилась знани-

ями и своей тяжестью давила на хрупкую шею.

Лучи солнца отбросили оранжевый свет на противоположную от окна стену. Тогда же Азалия заметила и как из приоткрытой двери за ней наблюдали четыре пары глаз.

Тишина зависла в башне. Даже пролетающие мимо птицы затихли, боясь издать лишний свист.

Протерев глаза, Азалия снова присмотрелась к тени. Тогда же дверь отворилась, и из-за той показались две маленькие служанки и шуты. Нутро сжалось. Дыхание стало прерывистым. Как долго они за ней наблюдали?

Лицо перекосило от недовольства. Азалия встала с тахты, перевернула пару страниц книги и положила ту корешком вверх. Девушка сама себя загнала в ловушку, забыв закрыть за собой дверь, осталась без обуви и веера.

Пока Ева и Эн почтительно кланялись принцессе и извинялись за вторжение, Фокс скользнул за их спинами, прыгнул к окну и подхватил пальцами кружевную броню принцессы. Эхом по комнате раздался скрежет зубов. На него обратил внимание и Итан, оставшийся смирно стоять в тени лестничного пролёта

— А тут уютно, Ваше Высочество, — бросил хитрый шут, и подмигнул Азалии. Та, не скрывая презрения, повернулась к служанкам, требуя ответ.

— Ваше Высочество, — тонкий голос Евы звучал робко и неуверенно. Она прошла вперёд и не поднимала своего лица. Азалия заметила румянец на её щеках. — Их Величество

потерял вас.

— Он хотел обсудить с Вами войну, а вы не явились на собрание, — Фокс перебил их, снова подошёл к служанке и коснулся её спины, заставив задрожать. Азалия в ответ сжала кулаки. — Хотел предложить Вам одну авантюру, а вы...

Только шут приблизился к принцессе, как та одарила его щедрой пощёчиной. Громкий хлопок раздался по стенам. Фокс застыл на месте. Служанки притаились и отступили назад. Итан не смог сдержать собственного любопытства, вышел из-за тени и собственными глазами лицезрел яркий красный след на щеке товарища, его широко раскрытый рот и глаза.

Фокс приложил пальцы к обожженному месту, глянул на те и затем на принцессу. Только что его впервые ударили. Принцесса не шутила, угрожая возмездием за внимание к служанкам.

— Я сама решу, когда мне идти на совещание, — голос был сдавлен. Азалия потёрла ладонь, развернулась и закрыла глаза, лишь бы не смотреть на мужчин. — Пошли прочь. И служанок моих доставьте в сохранности к Анне.

— Их Величество требовал вашего присутствия, — теперь в разговор вступил Итан.

Воздух потяжелел. Его спокойный, глубокий голос пробрал девушку до дрожи и встал комом в горле. Он призывал к себе внимание, не называя и имени принцессы. Тело вступило в борьбу с разумом. Головой Азалия отказывалась

подчиняться, слушаться — она не воспринимала Итана как какого-то графа или важное лицо, хотя его вид и тон к тому подталкивали. Но носком она встала на половицу, готовясь повернуться.

— Я отказываюсь, — ответила она. Горло будто бы сжали чьи-то сильные когтистые лапы.

— Вы обязаны подчиняться Их Величеству, — продолжал давить Итан.

Шут. Обычный шут, не способный ни шутить, ни фехтовать, ни быть интересным и харизматичным, заставил принцессу повернуться и принять его приказ. Их взгляды встретились. Итан смотрел на неё холодно, спокойно и совсем без тени надменности. Азалия же сверкала своей злобой, глотала её и стучала ногой по полу.

Щёки стыдливо покраснели, стоило только ей опустить глаза на пуговицы шута. Она обошла слуг, забрала свой веер и запрыгнула в тяжелые туфли. Пятку тут же пробило острой болью. Принцесса подняла подол, на носках стала спускаться вниз и даже не поднимала собственной головы. Плечи шоркались об узкие проходы, пару раз Азалия ударилась локтями о камни и сдавленно прошипела. Слуги едва поспевали за ней, теряли в лабиринте и постоянно окликали.

Ева и Эн посматривали друг на друга и даже перестали обращать внимание на флирт и насмешки Фокса — они впервые видели принцессу такой. Впервые она согласилась с приказом, не перечила и даже не пряталась за веером. Подчини-

лась не Анне, не королю и даже не барону, а какому-то шуту. Красивому шуту.

Такая реакция пугала девушек больше всего.

Азалия ворвалась в зал снова с грохотом и шумом. Она обратила на себя внимание всех присутствующих, графа и незнакомого ей парнишки с белой головой. Только не он был её целью.

— Луи Сердобольный, — обратилась она, поклонившись и затем подняв подбородок, — я требую аудиенции. Немедленно.

Глава 4. Линнея

Луи Сердобольный переменялся в лице сразу же, как в зал снова бесцеремонно явилась его дочь. Это первым заметил Фокс. Только отец и дочь скрылись в комнате позади трона — им предстоял долгий разговор, — как хитрый шут притих и больше не смел издавать ни звука. Он стоял позади Итана, трогал щёку и осматривал гостей.

Монах, пара лордов, барон со своим сыном и парнишка с белой головой. Когда шуты уходили вместе со служанками, этого юноши ещё не было, как и не было стоящего рядом худого, высокого графа. Фокс ткнул Итана в бок и кивнул в их сторону.

— Иностранец, — шепнул он. — У нас таких белых не водится.

— Линнеец.

Воздух потяжелел. Фокс сильнее вцепился глазами в незнакомца. Итан выпрямил спину. Тот парень слишком сильно выделялся среди прочих и выглядел моложе принцессы. Волосы блее лебединого крыла, кожа очень светлая, почти розовая, глаза необычного цвета — красного.

Линнеец повернулся к ним в ответ, коротко кивнул и улыбнулся. Фокса пробила дрожь.

— Ты его знаешь? — спросил он, не шевеля губами.

— Слышал о нём. — Итан отвернулся и всмотрелся в

дверь за троном. — Родился таким. Церковь хотела предать его огню.

— Кто он такой?

— Принц Луны.

Уши Итана зашевелились — Фокс сглотнул слишком громко. Шут закружил вокруг своего большого товарища. Он о чём-то активно размышлял, смотрел на всех присутствующих и прикусывал губу. Сегодняшний вечер обещал быть насыщенным.

Откуда здесь Лунный принц? Разве он не должен сейчас прятаться в замке Линнеи?

— Позвольте спросить, какой ветер встряхнул чашу спокойствия принцессы? — Юноша не постеснялся подойти к ним ближе.

Он любопытно засматривался на шутов, улыбался и наклонял голову. Не положено было принцу чужой страны так обращаться к слугам — в ответ на это Итан громко хмыкнул. Фокс же вскинул бровь и заморгал.

— Принцесса славится своим ужасным характером, — встрял в разговор барон Рогир и подошёл ближе к принцу. — Слишком дерзкая и громкая для женщины. Я никогда бы не взял её в жёны.

— Грешно обсуждать человека за его спиной, — голос монаха прозвучал слишком тихо, чтобы его услышали.

— А что скажут нам шуты? — продолжил Рогир, расставив руки по бокам. — Устами шута глаголется правда. Вы

бы посоветовали её в качестве жены господину Фредерику?

Его внимание устремилось на Итана. Не на Фокса, что подметал своим хвостом каждую пылинку подле принцессы. А на самого молчаливого, отрешённого и наблюдательного шута.

Он приставил кулак к лицу, прикусил ноготь — не заметил, как сильно сжалась его челюсть. Любой ответ подставит Итана. И беспокоили его не бароны, герцоги и священник — беспокоил Фредерик.

Почему враг стоял среди них с улыбкой и без стражи? Почему его представляли как жениха?

— Их Высочество — плод особой яблони. — Выдох. Итан прикрыл глаза и спрятал руки за спину. — Она не торопится замуж, потому и советовать не стану.

— Позднее деторожение может привести к смерти — королева Мария тому подтверждение, — снова встрял монах. Он поправил рясу, чётки на поясе и, выпрямив спину, сделал пару шагов вперёд. — Их Высочеству необходимо выйти замуж уже в этом году, чтобы благополучно

— Сама разберётся, — грубо перебил его Итан. — Перегнёте палку — бросит трон гнить и уйдёт в монастырь.

Зал затих. Ответ шута был слишком резким и требовал времени на обсуждение. Кто-то неодобрительно покосился на него, монах и вовсе открыл библию, начав зачитывать ту полголоса. Рогир встретился с Итаном взглядом — было что-то в нём уверенное, одобряющее. Мужчина не пошёл к

нему, он громко чавкнул и развернулся к сыну, стоящему весь разговор отрешённо возле фрески. Робин не вмешивался, но внимательно слушал и простреливал шута взглядом. Тот поймал его и отправил обратно — отвернулся.

Только Фредерик не переменился в лице и продолжил улыбаться. Он подошёл к Итану, смирился с ним ростом — почти на голову ниже, — и протянул руку.

— Впервые вижу, чтобы Луну равняли с Солнцем, — восхитился он и присмотрелся к ладони, когда Итан сжал ту. — Точно ли ты шут, а не корень Элиаса?

— Он шут хоть куда! — встрял Фокс, выглянув из-за спины товарища. Он не позволил ему ответить и разорвал рукопожатие. — Видели бы вы, как он бросал меня на выступлениях! Можете спросить об этом у барона. А нам пора на репетицию.

Фокс подмигнул и взял Итана под локоть, уводя вглубь коридоров, к казармам. Тишина зависла между ними, и только искры металась вокруг головы большого шута. Он нахмурился, смотрел себе в ноги и о чём-то усиленно думал. Лису пришлось провести его дальше служебных спален, к небольшой кладовой, заставленной шкафами, сухой соломой и деревянной посудой.

Широкая спина глухо ударилась о каменную стену. Фокс скользнул мимо, зарылся в вещах буфета и достал оттуда старую лютню. Её краска уже потускнела, поцарапалась, пара струн порвалась. Итан бросил на неё косой взгляд и тут же

отвернулся — лютня повисла на нём тяжелым грузом.

— Я не буду играть, — сказал он. — У нас уже есть план выступления.

— Будешь, — надавил на него Фокс и пихнул лютню в руки. — Ходишь суровый, будто важным заделался. Что о нас подумает принц?

— Не умею, — продолжал отмахиваться Итан. Он то и дело хватался за голову, не смотрел на товарища и часто моргал. — Меня струны всегда бьют. Давай как обычно — пользы больше будет.

— Чтобы ты уронил меня? Ну уж нет, — Фокс снова вжал инструмент в его грудь. — Соберись и вспомни пару песен. Ты должен быть не только сильным шутом. Сегодня будешь музыкантом.

Выдох. Плечи тяжело опустились. Итан взял в руки лютню и повернул её. Резкий запах струн ударил в нос. Мужчина не брал инструмент очень давно.

Фокс был прав. Появление Фредерика выбило его из колеи — выступать в таком состоянии было опасно.

Мужчины ушли в спальню слуг, там в их рундуке лежали запасные струны, купленные в городе месяц назад, когда шуты ещё принадлежали другому дому. Итан бросил их, поклялся больше никогда не брать лютню в рук, но сегодня ему придётся нарушить собственное обещание.

Он не только умел играть песни, но и был единственным способным настроить инструмент — струны совсем не тя-

нулись. Мужчина закреплял один конец на порожке внизу, протягивал баранью жилу вверх по грифу и с силой закручивал на колке. После замены, приступал к настройке натяжения и молился всем святым, чтобы те снова не порвались.

Сев на кровать и подложив под поясницу побольше соломы, Итан поставил лютню между ног и расправил плечи — так удобнее. Пальцы левой руки крутили колки, правой нажимали на струны и лады. Уши шевелились, ловили любую фальшь и отправляли указание пальцам, чтобы расслабить или наоборот натянуть струну сильнее.

Всё внимание было отдано лютне, поэтому он не заметил, как в спальню слуг зашла кухарка. Итан поднял свой взгляд. Струна отозвалась ярким, чистым звуком, привлекая к себе внимание. Девушка сидела подле Фокса, тихо хихикая, тот уже накручивал тёмную прядь на свой палец и сладко улыбался. Его ничуть не смущало присутствие Итана.

— Злая принцесса так больно ударила меня по щеке, — говорил он тихо. Когда кухарка обратила внимание на музыканта, Фокс повернул её голову обратно к себе и указал на щёку пальцем — совсем не ту, по которой шлёпнула Азалия. — Ты видишь красный след?

— Ах, какая же принцесса жестокая! — бросила девушка и пригладила веснушки шута. — Когда же её нрав укротит мужчина? Старого шута выгнала, вас изводит. Она даже на кухню является и требует, чтобы мы чаще готовили салаты. Мужчинам нужно мясо, а она о траве.

— Об Их Высочестве за спинами не шепчутся, — повторил Итан за монахом и тоже остался неслышанным. Басистая тяжёлая нота громом ударилась о стены.

— С таким раскладом, нам придётся вечность прислуживать Азалии и терпеть её выходки, — усмехнулся Фокс и потёрся о мягкую женскую ладонь. — Как хорошо, что её не волнуют слуги, верно?

Итан поймал косой взгляд, брошенный ему через плечо. В ответ он зажал пару аккордов, прошёлся по струнам и заставил лютню расхохотаться — лицо оставалось серьёзным и невозмутимым. Пальцы помнили даже больше него самого. Они прыгали по грифу, дёргали струны, играли музыку, возвращая шуту в детство.

Кухарка оторвалась от Фокса, прислушалась и засмотрелась на лютню.

— Что это за песня? — спросила она. — Прошлый шут играл по-другому.

— Придумал, — отрезал Итан и повторил мотив, ударив по деке пару раз запястьем — глухой звук повторял топот сапог по полу во время танца.

Фокс усмехнулся и тут же прильнул к женской шее, вдыхая пряный аромат свежей выпечки. Звонкий смех перебил игру лютни. Итан стал сильнее нажимать на аккорды, дёргал струны в попытке услышать хоть что-нибудь, но в итоге был вынужден быть свидетелем абсолютно непристойной картины: Фокс уронил кухарку и навис над ней.

Струна оборвалась и полоснула Итана по лицу, заставила одёрнуться. Тонкой алой полоской на щеке загорелся порез — вот она и причина, почему шут так ненавидел инструмент.

С мужским сдавленным стоном отворилась и дверь. Её со всей силы толкнула большая женщина с фартуком и косынкой — Анна. Главная надзирательница сделала шаг вперёд и прожгла взглядом двух слуг на кровати. Волосы кухарки растрепаны, свисали с края, а на шее красовались следы. Лицо фрейлины надулось и покраснело.

Фартук лёгким движением слетел с широкой талии. Анна замахнулась над Фоксом, чтобы ударить того. Тяжелая рука опустилась, ткань шлёпнула по лицу кухарку — шут в последний момент вскочил на ноги. Служанка взялась за лицо, глухо застонала и перевернулась на живот, когда как её уха-жёр запрыгал по комнате, словно ураган.

Фокс сносил кровати, запинаясь о них, прятался под теми и громко хохотал. Служанки смотрели за ним, за Анной и прятали свои улыбки. Когда фартук снова бил по рыжей голове, они говорили: «Беги скорее! Аннушка в ярости!»

И только одна девушка не обращала внимания на эту карикатуру. Принцесса стояла среди них, поджимала к себе фиолетовую юбку. Долго она смотрела за Итаном, кусала губу и металась в сомнениях, пока не протиснулась через слуганок и не подошла к нему. В руке возник белый платок.

Тот накрыл щёку Итана.

Всё время он был погружён в собственные мысли — смот-

рел на лютню, потирал струны и думал. Мужчина не замечал стекающую с раны кровь. Тело ответило само — мышцы сократились. Итан поднял глаза вверх и встретился с ясным взглядом голубых глаз Азалии. Она смотрела на него сверху вниз, слегка ухмылялась.

— Будь осторожен, — подмигнув, принцесса развернулась и отбросила волосы назад.

Тёмно-русые локоны подлетели вверх, юбка зашевелилась вместе с ними при ходьбе. Фокс забрался на верх высокого шкафа, и потому Анна уже не могла достать до него. Вместо того она взяла кухарку за ухо и потянула с собой к выходу.

— И только попробуйте сегодня снова что-нибудь выбросить, Ваше Высочество. — Дверь захлопнулась за ними. Кажется, они вернулись к обсуждению поведения принцессы — как обычно.

Итан держал на щеке платок и смотрел вперёд. Впервые он почувствовал себя потерянным, словно вернулся в детство, когда перед ним поставили полную тарелку с супом.

— Знаешь, я не удивлён, почему Азалия так ненавидит Анну, — пыхтя, подал свой голос Фокс из дальнего угла спальни, со шкафа. — Итан?

Гладкий, шёлковый платок прилип к щеке. Итан держал его крепко, сжимал ткань и почти не моргал. Фокс пощёлкал перед ним пальцами и, убедившись, что его товарищ снова завис, обречённо вздохнул. Осторожным движением руки он оторвал платок от щеки и лёгкой болью привёл в чувства.

Лицо Итана на мгновение свело. Белую ткань, с вышитыми на том маленькими цветочками, окропила алая кровь.

Маленькие розовые колокольчики с круглыми зелёными листочками — линнея.

— Просто так от неё добра не дождёшься, — Фокс развернул платок, покрутил его и оценил. — Швы на изнанке некрасивые — наша леди плохо вышивает.

— Что это было? — Итан отложил лютню в сторону и взялся за голову. Виски стучали.

— Это — флирт, мой дорогой друг, — лис подмигнул и отдал подарок обратно. Итан нахмурился в ответ и сложил платок. — Ты был выбран принцессой. За какие заслуги?

— Нет, не в том причина, — шут встал с кровати, бросил взгляд на лютню и пальцами просунул ткань под манжету. — Их Высочество видела Луну. Слышал Анну? Наверняка она что-то задумала.

— Звучит умно, — Фокс взял лютню протянул ту. Итан взял её кивнул и снова прошёл к рундуку за струной. — Но я всё же думаю, что ты ей понравился.

— Смородиновая принцесса не из тех, кто будет флиртовать с мужчинами. — Шут снял старую струну и на держатель привязал новую. — В особенности, с шутами.

— Тогда давай проверим.

Фокс присел напротив товарища и подмигнул ему. На лице держалась лукавая, широкая улыбка, значащая только одно — лис собирается здорово повеселиться. И Итану при-

дётся снова следить, чтобы шут не перегнул палку.

С выдохом он кивнул, поправил манжеты. Струну на лютне быстро натянули обратно и настроили, чтобы как можно быстрее отправиться в главный зал и начать выступление. Платок мешался, вышивка на нём царапала кожу, но Итан старательно игнорировал неудобство. Он собирался вернуть чужую вещь при первой же возможности.

Пройдя по коридорам обратно, шуты вышли к нужному повороту.

Слуги зажгли свечи. Господа сидели за своими столами. Работники кухни выносили еду, разбавляя духоту зала яркими запахами жареных перепёлок и овощей, приправленных специями. Мимо прошла и кухарка, она улыбнулась Фоксу и подмигнула, но тот не бросил и взгляда. Надув губы, ушла дальше, подгоняемая другими слугами. Он следил за обстановкой в зале.

Появление Фредерика поменяло внутри всё. Пусть Рогир и оставался неизменно сидеть подле короля, его семью отсадили в сторону. Гости шумели больше обычного, активно что-то обсуждали за столами и косились на сверкающую голову Лунного принца. Тот сидел за отдельным столом и принцессой, вел себя сдержанно и о чём-то ей рассказывал. Та же смотрела за слугами. Без веера.

— Завтра точно снег пойдёт, — сплетничали две служанки, уходя из зала с большими подносами. — Принцесса сидит с мужчиной и без веера.

Лютня жалобно захрустела. Фокс обернулся на товарища и шикнул на него. Итан покачал головой и отвернулся. Он не успел поймать на себе взгляд принцессы, зато тот перехватил лис и подмигнул в ответ.

— Луну посадили с ней, — не унимался Итан. Его пальцы царапли лютню. — Скажи, я пропустил совет, или Линнея вдруг стала другом? Только сегодня говорили о войне.

— Тогда я пропустил его вместе с тобой, — пропел Фокс и потёр ладони. — Принцесса зовёт *нас*. Самое время проверить нашего гостя.

Хитрый лис выкатился в народ первым. Он прыгнул на руки, затем на ноги и повторил так пару раз, пока не очутился в середине зала. Тому, как Фокс крутился завидовали даже дети — и как только у него хватало сил на такое? Самый настоящий профессионал — рождён для роли шута.

Итан вышел следом с лютней, смотрел за овациями и своим товарищем, начавшим шоу. Он расправил плечи, зажал аккорд и стал подыгрывать, привлекая толпу. Мужчина не считал себя хорошим шутком, но делал то, что всегда получалось хорошо — улыбался и ассистировал Фоксу.

Даже когда публика не нуждалась в силе Итана, он пританцовывал и становился похожим на кружащееся перо. Ворон и Феникс танцевали в такт, запевали песни и следили за реакцией каждого. Зрители смотрели на них с интересом, посмеивались от редких шуток и ждали чего-то нового и необычного.

Один столик заскучал — шуты тут же встали по обе стороны от него.

— Вижу, наш канделябр сегодня совсем молчаливый! — бросил Фокс Робину. Всё время тот стучал пальцами и нервно следил за Итаном, а тут покраснелся и надулся. Беатрис рассмеялась шутке, зал следом за ней. — Хей, не торопись бить мне лицо! Ты ещё успеешь подраться с моим другом.

Пальцы пробежались по струнам. Лютня весело заиграла высокими тонами и тоже посмеялась над Робинотом. Итан не издал ни звука — за него говорил инструмент, — он только улыбался и отправлял недовольные взгляды обратно.

А вот Беатрис прикрыла лицо веером и захлопала ресницами. Её хищный взгляд вцепился в шута, его чёрные волосы и ловкие пальцы, но тот ничем не ответил. Итан отошёл в сторону, дождался, когда Фокс ему бросит удобный табурет и позволит занять место в тени.

Сейчас не время флиртовать и шутить над Бучерами. Итану нужно было молиться всем святым, чтобы во время игры лютня снова не решила подраться с ним и ударить по раненой щеке. Он снова окинул взглядом зал, убедился, что Фредерик и Азалия остались на месте, и выдохнул.

— Боюсь, мне совсем нечем удивить вас! — Фокс театрально приложил ладонь ко лбу и глубоко выдохнул. Лютня расстроилась вместе с ним и почти заплакала, отыгрывая высокие тона. — Я такой безответственный. Вместо шуток решил проследить за кухаркой — совсем не чета моему от-

ветственному товарищу! Только послушайте его игру.

Внимание переключилось на Итана, и тот прикрыл глаза. Он сделал глубокий вдох, расслабил плечи и всего на одно мгновение погрузился в самые чертоги души, чтобы достать оттуда единственную песню. Лютня расположилась между ног и звонко запела, перебивая голоса скучающих. По струнам бегали совсем не пальцы — капли утренней росы падали на них, играли друг с другом и в танце улетали ввысь. Одна из слушательниц протянула тихое и нежное аханье.

Глаз Итана был совсем слегка приоткрыт. Он следил за одним только человеком. Тем, у кого от песни переменилась мимика: брови чуть вскинулись, глаза раскрылись шире обычного, — сам он на мгновение обратился в статую.

Фредерик узнал его песню. И оттого он сильнее стал сверлить Итана своим красным взглядом. Белые ресницы почти не шевелились.

Из транса его вывела принцесса, заметившая затихшего гостя. Она впервые за весь вечер повернулась к нему, затем снова бросила взгляд на Итана и сосредоточилась на песне. Фокс не позволил ей думать слишком много. Подойдя к их столику, шут широко улыбнулся и протянул руку. Его взгляд был направлен исключительно на Азалию, отчего та поначалу растерялась.

— Прошу прощения за беспокойство, Ваше Высочество, — голос Фокса гипнотизировал: говорил тихо, медленно и протяжно, — совсем не как обычно. Принцесса вложила

свою ладонь в его и встала. Гости и слуги зашептались. — Я бы хотел воспользоваться вашим умом и начитанностью.

Азалия оглянулась на гостей и отца. Луи Сердобольный кивнул ей, махнул рукой в зал и разрешил выйти вместе с шутом. Фокс не стал дожидаться ответа, он потянул принцессу за руку, помог ей выйти и проводил ближе к Итану с лютней. Его бой стал тише.

— Расскажите нам интересную историю, Ваше Высочество, — подначивал Фокс, держа принцессу за руку. Она стояла между шутами, всё ещё потерянная и рассеянная. — Вы ведь так много читаете в библиотеке!

— Какая же история вам нужна? — Азалия вскинула бровь и хмыкнула. Руки опустили шута, пальцы стали перебирать друг друга. Дыхание звучало обрывисто и тяжело. — История трав? Медицины? Или мне рассказать байку о старом учёном, которого нашли мёртвым в башне с романом в руках и со спущенными штанами?

Зал охнул в унисон. Только один Рогир залился хохотом и стал стучать по столу. Принцесса посмотрела на него, ухмыльнулась и подняла подбородок выше. Взгляд переменился и стал более уверенным. Итан сменил аккорд и провёл по струне ногтем — та протяжно заскрипела. Его губы растянулись в слабой улыбке.

— Да вы сегодня в ударе! — восторгался Фокс, отпрыгнув назад и расставив руки по бокам. — У меня явно назревает конкурент в юбке.

Шут проскакал к королю и отдал ему низкий поклон — грудь ударилась о колени. Получив кивок в ответ, он скользнул за трон и прикрыл ладонью губы — ещё один кивок от короля. Фокс просил разрешения, затем снова вернулся к принцессе и обратился уже громко, официально:

— Ваше Величество, позвольте попросить сказку о потерянном королевстве? — Итан сбился на этих словах. Он передал струну на аккорде и едва не порвал её. На пальцах появились глубокие красные полосы. — Нашему гостю будет интересно послушать о том, каким был дом до его рождения.

Луи повернулся к Фредерику, тот активно закивал головой и по-детски поставил локти на стол. Алые глаза бегали от Итана к Азалии, находящихся рядом друг с другом, прожигали их своим интересом. Шут заметил, как шевельнулась рука принцессы, выдохнул и переместил пальцы на грифе — лютня заиграла нежно, тихо и почти убаюкивающее.

— Прошу, Ваше Высочество, — Фокс снова повернулся к Азалии и подмигнул ей. — Расскажите нам сказку о Линнее.

Итан прикрыл глаза и снова погрузился в свои мысли. Пальцы нервно бегали по струнам, но почему-то музыка не ломалась — заиграла трель, похожая на свист весенних птиц. Фокс улыбался широко и довольнo — он бросал взгляд на товарища, затем на принцессу и кланялся ей.

А та зашелестела своей юбкой, встряхнула кружева и улыбнулась так, будто бы совсем ударяла шута ещё при свете солнца. Он протянул ей руку, взял за кончики пальцев остo-

рожно и повёл в танец, в котором и родилась сказка:

— Эту сказку по крупницам собрал старый учёный с разных уголков Линнеи. — Уши Итана зашевелились — он ловил спокойный тембр Азалии и играл ей под стать. В её голосе пропали насмешливые нотки и дерзость, будто бы она с головой погрузилась в зеркальный омут, и из того вышла совсем другая девушка. — О ней давно забыли горожане, но в деревнях, где обитают дикие звери, ещё можно услышать первоисточник.

Лютня притихла, расслабила свои струны. Она заблагоухала подобно цветочному саду.

Итан приоткрыл глаза. Беатрис отложила веер в сторону, поставила локоть на стол и оперла свою голову. Король Луи откинулся на спинку трона. Даже взгляд Фредерика смягчился от песни. Он о чём-то сильно задумался, затем посмотрел на танцоров и Итана — красные глаза будто потухли и перестали казаться вражескими. Лунный принц стал обычным принцем.

Музыка вводила людей в транс. Но это была не только заслуга пальцев Итана и инструмента — сама Азалия смягчила свой тон и, наверное, впервые говорила с человеком без крика и надменности. Подобно теплому осеннему ветру, она касалась своих слушателей и согревала даже строгую Анну. Взгляд переменился, стал серьёзным, принцесса отпустила руку Фокса.

— Лес и небо были разрознены друг с другом в давние

времена: Солнце выжигало землю, Луна вымораживала молодые побеги и склоняла их к земле; звери бились друг с другом насмерть, разрушая всё вокруг. — Азалия встала за спину Итана. Тот дрогнул, будто птица вырвалась из сказки и коснулась шеи своим тонким крылом. Пальцы сменили аккорд, лютня зазвучала глубже и тяжелее. — Всё это длилось вечность, пока на цветочной поляне, в самых зарослях колокольчиков линнеи не встретились двое: прекрасная, благоухающая Природа и грозный Медведь.

Фокс упал за пол, с интересом слушая рассказ принцессы. Махал ногами, не отрывал взгляда и не смел перебивать. Азалия опустилась к нему, обняла колени и наклонила голову. Они проживали сказку наяву, играли сценку и совсем не стеснялись касаться друг друга.

Итан слышал вздохи Анны и каждый раз отвлекался на них. Сам же он пытался уловить настроение и пускал лютней то брызги росы, но нежную трель качающихся на ветру колокольчиков. Фокс не был похож на медведя из сказки — лис. Но оттого история не звучала хуже. Союз Природы и Лиса, их танец выглядел более страстным и ярким.

— Солнце и Луна стали свидетелями рождения чуда, — продолжала Азалия. — Под их общим светом на линнейской поляне родилось дитя. Круглые бархатные листья стали его люлькой, ветер зашелестел листьями и цветами, играя колыбельную для принца Элиаса — первого линнейского короля.

Лютня затихла, издав последний протяжный звук. Внима-

ние зала обратилось на Итана — он сидел на месте, как и прежде, держал в руках инструмент, будто погрузившись в сон. Шут не спал. Его глаза украдкой следили за принцессой, нутро прислушивалось к ней. Ожидание следующего слова заполняло его грудь, сдавливало и утяжеляло каждый вдох.

Азалия молчала. Каждая секунда её молчания обходилась очень дорого. Король Луи окинул взглядом зал и остановился на Фредерике. Юноша перебирал пальцами вилку, крутил её на скатерти. Пауза давила и на него. Фокс тоже обратил внимание на переменившееся настроение принца, подошёл к столу, взял кувшин и налил с того в чашу компот. Смородиновый аромат ударил в нос ярче, чем забродившая настойка.

— Что же беспокоит ум принца? — спросил он осторожно и предложил ему напиток — отказался. — Неужели сказка Вам не по душе?

— Ах, нет же, не тот ветер меня тревожит. — Моргнул. Фредерик снова оживился, улыбнулся и замахал руками. Он проводил взглядом шута, подождал, когда Азалия смочит горло. — В моей Линнее не принято взрывать корни. Король Солнца запретил говорить о короле Элиасе. И его сожжённом ростке.

Воздух потяжелел. Птицы взмахнули крыльями и брызнули на слушателей тяжелыми каплями воды — лютня снова расплакалась. Сказкой Азалия задела старые раны, и мрачное настроение принца Луны опустило головы других слушателей. Она замялась, сложила руки и сделала пару шагов

назад, к Итану, лишь бы не стоять сиротливо посреди большого зала. Но и тот играл тихо, о чём-то думая.

Когда для девушки старая Линнея была мечтой и красивой легендой, для других та была бременем. Лютня затрещала. Азалия искоса посмотрела на неё и пальцы шута — на тех от сильного давления появились красные отметины. Такие же красные, как и рана на его щеке. Струнодержатель треснул и вот-вот готовился выломаться и снова ударить Итана. Азалия едва коснулась его плеча. Шут затряс головой, закончил игру и отставил инструмент на пол. Его лицо выглядело растерянным.

Азалия не только вскрыла рану Фредерика, но и побеспокоила скалу.

Выступление окончено. Музыканты тихо за скрипели своими струнами и заполнили тишину зала тянущейся мелодией. Шуты поклонились королю, забрали реквизит и отошли к прочим слугам. Тихо вёл себя даже Фокс — он не бросил шутку напоследок, подошёл к товарищу и увёл его как можно дальше от прочих глаз.

Азалия тоже не стала задерживаться. Вернувшись за стол, она поправила юбку, покрутила бокал в руках и прикусила щеку. «Я ведь даже не закончила её». — Взгляд переметнулся на Фредерика. Он снова улыбнулся, неестественно широко, затем повернулся к принцессе и встал. Неспешным шагом принц минул всех гостей, кивнул в дверях и вышел вместе с графом, с которым приехал.

Впервые хотелось обсудить с кем-нибудь вечер — не с кем. Слишком много вопросов повисли в воздухе.

Глава 5. Тайна

Прошло несколько дней с пиршества. Луи Сердобольный созвал желающих баронов и лордов, запряг лошадей и отправился на охоту — траур с его лица, державшийся с последнего бала, смахнуло рукой, и он снова стал добрым, улыбчивым правителем. Настолько сильно он воспрянул духом, что взял с собой на охотничья угодья и Азалию — чтобы не скучала во дворце.

Анна была против поездки юной госпожи:

— Негоже ей ездить с мужчинами в лес — беда случится.

Оставьте дома или возьмите с собой служанок.

— С ней будем я и Рогир, — махнул рукой Луи и легко улыбнулся. — К прочему, за ней есть кому присмотреть.

— И кто же будет ответственно смотреть за вашей дочерью?

Хмурый и улыбающийся, словно юродивый. Одна только рыжая голова выбила Азалию из колеи. Не с первого раза она оседлала лошадь, хотя и надела удобные портки, еле вышла с ней за пределы ворот. На том несчастья не кончались — оказалось, что её кобылка была хорошей подружкой для двух других жеребцов. Жеребцов Фокса и Итана.

Она брыкалась вокруг них, сталкивалась и крутила хвостом — пришлось припорить её и подогнать к королевскому коню. Подле него кобылка тут же перестала брыкаться и

спокойно зашагала вперёд.

— От шутов одни проблемы, — вырвалось у Азалии с цоканьем. Без короны, в шосссах и рубашке король выглядел приземлённее и приятнее глазу. Как сказочный дедушка со стриженной бородкой.

— Пару дней назад ты была о них лучшего мнения, — посмеялся он и нежно улыбнулся. Принцесса надулась. — До меня дошли слухи, что одному из них ты вручила платок.

— Я я просто хотела, чтобы они спасли меня от внимания принца. — Недовольство поднялось с груди к лицу и окрасило щёки в красный цвет. От жара покраснели даже уши. Азалия открыла рот, чтобы набрать больше воздуха, но закашлялась и чуть не отпустила поводья. — Не подумай, что они мне нравятся. Между прочим, Фокс получил от меня пощёчину за приставания к служанкам.

— Такое поведение не достойно принцессы, — приземлил её Луи. — Тебе не обязательно нужно выпускать шипы, когда кто-то относится к тебе с добром, Азалия. Мы уже разговаривали об этом.

Он напомнил об их разговоре после башни. Азалия не только себя выставила глупо, но и едва не испортила репутацию своему отцу. До неё каждый день доносились обрывки чужих фраз: «Выдай её замуж. Разбаловал. В мое время таких девок отправляли за тридевять земель ещё в четырнадцать!». А Луи Сердобольный все терпел и ждал, когда же его дочь повзрослеет.

Она снова надула губы и отвернулась. Теперь она обиделась на себя. Уши перестали гореть, но вот щёки продолжали розоветь под лучами летнего солнца. К отцу стоило проявить хотя бы каплю уважения.

— Фокс и Итан мне известны до их приезда в наш замок, — продолжил говорить Луи. Редкое явление. Обычно их разговоры ограничивались парой минут в тронном зале или за обедом. Азалия повернулась к нему и прислушалась. — Не сказал бы, что их репутация идеальна, однако положиться на них можно.

— И что в них не идеального? — уточнила она.

— Как-нибудь я тебе расскажу об этом, — улыбнулся он и посмотрел через плечо. Там шуты пытались совладать с двумя конями, решившими побрыкаться перед кобылой Азалии. — У нас ещё будет время.

Луи наклонился к кобыле дочери и потянул поводья на себя. Азалия не успела сказать и слова, как на ее месте уже очутился другой наездник, Итан. Тут же в него почти влетел конь товарища, шут успел ударить по своему животному и ускакал вперёд. Бурый жеребец Фокса гордо поднял голову.

— Действительно, — согласился мужчина и почесал затылок, — зря мы взяли этих троих на охоту.

Итану приходилось постоянно подгонять своего коня. Ему попался самый молодой и озорной жеребец, пытающийся не только привлечь внимание кобылы, но и игнорирующий положение главаря табуна. Луи встал между Фоксом и

Азалией, его конь громко фыркнул и храпанул — жеребцы успокоились.

Азалия достала из сумки пару яблок. Одно было вручено своей кобыле за послушание, второе — жожаку. Тот громко захрустел угощением и ударил хвостом в качестве благодарности.

— Хорошо выглядите в рубашке, Ваше Высочество, — Фокс привлёк внимание Азалии своим громким голосом и широкой улыбкой. Она уже думала выпрямиться, привычно закатить глаза и отвернуться, но получила укоризненный взгляд отца — избежать разговора не получится.

— Спасибо, — сухо ответила она. С кивком отца на лице принцессы нарисовалась и улыбка. Спина выпрямилась. — Вы без колпаков тоже на людей похожи.

— Азалия! — встрял Луи. Фокс залился смехом, испугал своего жеребца, и тот скаканул вперёд. Шут едва удержался в седле.

— Ты слышал, Итан? Мы без колпаков на людей похожи! Вот это я понимаю — комплимент.

И все же она закатила глаза. Как бы Азалия ни пыталась отпугнуть Фокса от себя, тот продолжал ей улыбаться и шутить — это заставляло костяшки её пальцев сжиматься и белесть.

— Он меня раздражает, — высказалась она отцу. — Слишком навязчивый.

— Со своей работой он справляется отлично. — Луи по-

тер бороду. — Шут должен вызывать эмоции и быть везде.

Была правда в его словах — как шут Фокс был идеален. Шутит, заводил толпу, общался со всеми слугами. Пожалуй, даже прошлый шут не был настолько вездесущим, как этот. Сама судьба привела Фокса к этой роли.

Вдох. Выдох.

«Хотя, если смотреть на него не как на мужчину, то все не так плохо», — подумала Азалия. Она глянула на шутов впереди и прищурилась. — «Не флиртует, а собирает слухи. Не издевается надо мной, а пытается разговорить по указке отца. И все равно он меня раздражает».

Взгляд зацепился за другого шута — он ехал впереди, крепко держал поводья и расправлял широкие плечи, обтянутые чёрной рубашкой. То же нельзя сказать об Итане. Как бы он ни играл перед королём, ни боролся с Робинотом — Азалия не могла разглядеть в нём шутовских черт. И чем прямее Итан ехал на лошади, тем больше он походил на молодого лорда, юношу с примерной знатной семьей, случайно одетого в колпак.

Ни уродства, ни отличительной особенности, кроме плеч. Даже Фредерик лучше пошёл бы на роль шута с его красными глазами и белой кожей, но никак ни этот «медведь».

Но отец знал его — сам заикнулся об этом. Знал лично, знал до прибытия в замок, и наверняка мог сказать о его корнях лучше, чем кто-либо другой.

— Почему Итан — шут? — спросила она, обратившись к

отцу. Тот повернул к ней голову и вскинул бровь. — Почему ты ему другую роль не дал?

— Он смешной, — улыбнулся Луи и прикрыл глаза. Азалия нахмурилась.

— Не уходи от разговора. Ты же сам видишь, что ему лучше быть рыцарем или ремесленником.

— У него не те корни, чтобы становиться рыцарем или ремесленником, — король увёл взгляд вперёд. Вдалеке стали виднеться фиолетовые палатки и возвышающуюся над ними крышу дома. — И Итану тоже нравится быть шутом.

До ушей Азалии стал доноситься лай псов. Те, почуяв незнакомцев на молодых жеребцах, едва не накинулись на тех — шуты разбежались в стороны и встали в конец табуна. Мужчина выбежал навстречу с розгами, одарил псов парочкой лёгких ударов и взял за шиворот. Сердце принцессы болезненно защемило.

В охотничьем лагере дам было мало и все они — служанки. Мыли посуду, стелили скатерти на столы, общались между собой и прикрывали рты, замечая проезжающую принцессу. Азалия видела их прищур — улыбались. С тяжелым выдохом она проехала мимо, к стойлу, спрыгнула с лошади и передала поводья конюху.

В последний раз в таком свободном виде её видели несколько лет тому назад, когда принцесса ещё не обзавелась формами и отличалась от Робина только длиной волос. Отец часто брал её на охоту, учил стрелять из лука и слышать при-

роду. Тогда казалось, что охота будет постоянным её развлечением летом, но потом платье окрапилось кровью. Только с благословения Луи удалось оттянуть дату поиска женихов и самого замужества.

Служанки в лагере недалеко ушли от неё возрастом, но уже были выданы замуж и родили по одному ребёнку. Азалия смотрела на них с дикостью, они отвечали тем же. Редко какая дама их возраста оставалась одна.

— Неожиданно видеть здесь саму принцессу Азалию, — поклонился ей конюх, затем принял поводья и у короля. — Неужели решили вернуться к охоте?

— Спасибо папеньке за такую возможность, — улыбнулась она и привычно отдала короткий поклон. Без платья он выглядел странно. Азалия смутилась и отмахнула от себя мух.

— Мы предложили и принцу Луны поехать с нами, но он избегает солнца как самый настоящий вурдалак, — усмехнулся Луи и кивнул конюху. Рука заботливо легла за спину дочери.

— И хорошо, что не поехал, — ответила Азалия. Она остановилась неподалёку от конюшни и стала наблюдать за слугой с хвостом у места под костёр. — Тут и без него дышать тяжело.

— Я совсем не могу тебя понять, милая. — Голос Луи стал строже, в нём заиграли нотки недовольства. — То тебе подавай линнейца, то открещиваешься от него. Определись

уже.

— Есть разница между сыном узурпатора и кронпринцем? — задала она вопрос в ответ и вскинула бровь.

Луи снова повеселел и усмехнулся. Азалия растерялась. Что смешного в её словах? Разница действительно была весомой: Фредерик не носил кровь первого короля, казался искусственным и совсем не ощущался как наследник королевства. За ним не стояло ни красивой истории, ни подвигов, ни силы, которые были у того же Генри. Будь жив его сын, тот бы уже казался более подходящим правителем только за счёт корней.

Отец перестал отвечать на вопросы, отыскал в толпе круглого Рогира, стоящего вместе с охотником, и ушёл на беседу с ним. Азалия сжимала кулаки и переминалась с ноги на ногу. Она не могла найти себе места.

Почему отец смеялся?

От мыслей отвлекло ржание лошадей. Взгляд переместился к лесу — возле него остановились шуты со своими скакунами. Азалия проморгалась, затем потёрла глаза и внимательнее всмотрелась в ту же сторону. Фокс шёл рядом, перескакивал с ноги на ногу и приветливо махал рукой, когда как Итан держал молодых жеребцов за поводья, совсем не напрягая рук. Лицо его выражало спокойствие, веки расслабленно опущены.

Тихое аханье вырвалось из уст принцессы. С ними совладать не мог даже опытный конюх, а тут такое послушание!

Что же за человек такой Итан?

При взгляде на него, Азалия чувствовала на душе тяжесть. Спокойствие и особенное положение беспокоили девушку, заставляли взгляд метаться из стороны в сторону и искать знакомую седую голову. Каким бы хорошим приятелем отца он ни был, оставаться рядом ей не хотелось. Не хотелось больше спрашивать и про линнейские песни и платок — не так важно.

«Наверняка отец распорядился обучить его», — подумалось принцессе. Она засеменила к королю и барону, не дожидаясь шутов. «Многие линнейские музыканты ушли в Кюррант после вступления на трон Гингельма, кто-нибудь из них мог обучить и Итана».

Рогир встретил принцессу широкой, ехидной улыбкой. Он окинул её взглядом, громко хмыкнул и протянул руку. Азалия пожала ту в ответ. Большая, крепкая и липкая от пота.

— К Вам обращаться как к Азалии или как Алоизий? — мужчина наклонился к ней и дыхнул своим несвежим дыханием. Кашель вырвался из груди принцессы. — Не каждый день увидишь девку в портках — вот Робин бы рассмеялся.

— А вы в шуты решили заделаться? — съязвила Азалия в ответ и махнула рукой у лица. Веера катастрофически не хватало, но тот остался дома. Рогир усмехнулся. — Как дела в угодьях?

— Всё готово для Вашей завтрашней охоты, Алоизий, —

продолжил он. Азалия едва сдержалась, чтобы не ударить. — Здесь неподалёку заметили оленьи следы. Из рогов сделаем вам самую красивую корону.

— Дух леса примет тебя за здешнюю, — добавил Луи и по-отцовски потрепал дочь по голове. Она вывернулась и поправила взъерошенные волосы. — Итан уже освобожден? Нам нужно поговорить с ним.

Барон махнул рукой и громко выкрикнул имя шута. Тот повязал лошадей, откликнулся и неспешно зашагал к ним в сторону — рыжий хвост за ним. Без лошадей Итан снова начал сутулиться, опустил плечи и даже вытянул шею вперёд, но даже так он был крупнее Фокса.

Принцесса проводила его взглядом, пошла за мужчинами и тут же была остановлена секирой стражника. Прямо перед самой палаткой. Девушка растерянно заморгала, вцепилась взглядом в отца, но тот даже не обратил на неё внимание. Края палатки закрылись за мужчинами, и последнее, что успела заметить Азалия, так это руку Рогира на спине Итана.

— Это что такое? — опешила она. — Что ещё за секреты от меня?

— Их Величество запретил Вам входить, — пояснил стражник. — Прошу, отойдите и не подслушивайте.

Фокс стоял рядом и не смел издать ни звука, поэтому, когда Азалия заметила его краем глаза, то одёрнулась и взялась за сердце. Она уже успела забыть о его существовании.

Казалось, его совсем не интересовала ни палатка, ни тайна Итана — он смотрел на принцессу с большим интересом и улыбался, как всегда.

Азалия завошкалась, развернулась и пошла, куда глаза глядят — к костру. Но Фокс не вздумал оставлять её. Он прогнал принцессу от палаток своим присутствием, стал ходить хвостиком и глупо улыбаться. Ничего не говорил — и без этого мурашки забегали по спине.

До уха донеслись женские смешки и нежный вой — служанки отвлеклись от своих дел, подмигивали шуту и улыбались ему. Фокс махал рукой, засматривался на девушек и посылал им воздушные поцелуи. При этом, он продолжал держаться подле принцессы и не сделал ни одного шага в сторону служанок.

— Чего привязался? — бросила она и опустилась на бревно. Слуга разжег костер и стал раздувать его, не обращая внимания на других. — Ты сильно нравишься служанкам, так и иди с ними флиртовать.

— Вы меня снова побьёте, — надул щёки Фокс и опустился рядом. Он раскрыл глаза шире и едва не пустил слёзы. Азалию это не впечатлило. — К тому же, мне приказали охранять Вас. Как я могу оставить пост?

— С лёгкостью и рвением, — фыркнула принцесса и отвернулась.

Из королевской палатки до сих пор никто не вышел. К ним не подпускали даже слуг — рыцари прогоняли каждо-

го и приказывали ожидать снаружи. Столь важный разговор никак не мог отпустить мужчин и Итана — о чём же он? О чём таком важном можно говорить с шутом? Взгляд снова переместился к Фоксу. Он продолжал верно смотреть на принцессу и не смел отвлекаться.

— Я ничего не знаю. — Ей даже не надо было задавать вопрос, чтобы Фокс его услышал и прочитал. — Мне ничего не говорили.

— Глаза у тебя лукаво блестят.

Глаза Фокса действительно блестели. И улыбка была другой, более широкой — с такой обычно ходили нашкодившие дети слуг. Чем дольше Азалия смотрела на неё, в карие глаза и молчала, тем меньше хотелось верить шуту. Тот тоже не сдавался. Он наклонил голову, положил её на согнутые колени и сверлил взглядом в ответ.

— Вы красивая, когда не ругаетесь. — Первый выпад невидимым клинком. Азалия увернулась.

— А ты умный, когда молчишь, — ответила она. Фокс повеселел, скривил другую улыбку и потёр веснушки.

— Принцесса снова сказала комплимент! — Щеки Азалии вспыхнули от его крикливого заявления. — Какая же она хорошенькая, когда добрая!

— А ну, заткнись!

Взмах рукой. Та остановилась в воздухе и тут же опустилась обратно. Девушка отказывалась снова шлёпать Фокса и щедриться на прикосновения, поэтому встала, отряхнула

портки и ушла гулять по лагерю. Ошибка. Фокс на всю округу заголосил о доброте и красоте принцессы, о её комплиментах и щедрости на них. Лорды, приехавшие на охоту вместе с королём, удивлённо вскинули брови и усмехнулись.

Азалия не знала, куда себя деть. Она закрыла уши, но и это не помогало. Зашла в охотничий домик, закрыла его дверь. Толстый брус несколько не заглушал громкий голос шута — Азалия была на грани. Поднявшись на второй этаж, где обычно находилась королевская спальня, она закрыла за собой тяжелую дверь на засов и села на деревянную кровать — слуги ещё не успели её застелить. Только зажгли одинокую свечу.

Зато они успели занести походную сумку принцессы. Из той она взяла толстый том в кожаном переплёте с прошитыми золотыми нитками колокольчиками — история Линнеи. Азалия думала углубиться в чужую культуру, перечитать уже знакомые строки, но ни одно слово не лезло в голову. Нерешённые вопросы не давали ей места.

Почему к Итану такое особенное отношение? И почему он так выделялся среди всех во дворе?

Даже Фредерик со своей белой головой не так беспокоил Азалию. Ответ прост: он — особенный мальчик, целованный самой Луной. Вигмар писал, что такими рождаются редко, и такими бывают даже звери. Вопрос исчерпан.

Фокс — обычный шут, он выделяется всегда, и его поведение было самым обычным. Азалия думала о нём только

как о проблеме, с которой нужно быть аккуратной в выражениях. Слишком громкий, многое себе позволяет и пользуется любой возможностью заявить о себе. И даже его не взяли в шатёр на тайный разговор — оставили за пределами, ничего не сказав.

Итан же друг Рогира — вот его как барон по спине погладил! Король знает его больше, чем просто шута, приглашает на аудиенцию и запрещает собственной дочери, наследнице, принцессе присутствовать при разговоре! Куда же это катится?

Не в силах терпеть беспокойство, Азалия спрыгнула с кровати и затопала по полу. Шаг. Второй. Голова гудела от мыслей, и девушка стала размахивать руками, чтобы прогнать их — не помогло. Дыхание только участилось, зубы громко закрипели. Третий. Четвёртый. Пятки стали болеть от постоянной ходьбы и цокота каблука. Пальцы заболели, и Азалия раскрыла ладонь, чтобы размять их.

Стук в дверь. Принцесса остановилась и посмотрела в её сторону. Подошла, отодвинула засов. За той стоял седобородый мужичок, прячущийся в тених домика. Отец.

Он вошёл внутрь, пропущенный Азалией, мягко улыбнулся ей и спросил:

— Почему ты ушла?

Накопленная обида хлынула через чашу Азалии и заставила её громко топнуть ногой. Она проглотила ком в горле, сделала глубокий вдох и обратилась к отцу:

— А ты почему ушёл сплетничать с этим шутом?

— У нас был важный разговор, — его голос был нежным и почти невесомым — совсем не походил на голос правителя. Но от него внутри растекалась приятная нега, уносящая с собой все душевные тяготы.

— Какой? — продолжила напирать Азалия, смягчившись в ответ. — Почему меня не позвал? Что за секреты у тебя?

— Я не хотел стеснять нашего шута, — пояснил Луи и обнял Азалию, положив ей руку на плечо. Она проследила взглядом за его карими глазами. — Он — мальчик скромный. Но я прислушался к твоему мнению и предложил ему посвятиться в рыцари.

— А он? — не унималась Азалия.

— Отказался. Ему больше нравится роль шута.

Ответ спустил камень с плеч принцессы. Она проморгалась и убрала с лица всякое недовольство. Взгляд переместился на пол, затем на стену и потом на свечу. Пламя медленно горело, шевелилось от дыхания и плавило воск. Голова на миг опустела только, чтобы задать один единственный вопрос:

«Почему он отказался от такой привелегии и титула?»

Глава 6. Охота

Этим вечером Азалия так и не вышла к костру за историями Фокса и охотников — не было желания. Усталость после поездки навалилась тяжелым грузом на плечи и спину принцессы. Она легла на расстеленную кровать, потянулась и не заметила, как погрузилась в сон.

Впервые она уснула раньше всех слуг.

И проснулась раньше солнца.

На соседней кровати храпел отец. Его борода впитала в себя запах смородиновой настойки и вечерней пищи. Азалия прикрыла нос и сощурилась. Пожалуй, это была самая неприятная часть любой охоты и праздника. Но благодаря этому тело и разум быстрее проснулись. Она вышла из комнаты, расшевелила заснувшего в дверях стражника и спустилась вниз.

Утренняя сырость ударила в нос. Туман поднялся над травой, щекотал щиколотки росой и освежал. Азалия поджала руки, осмотрелась и подошла к костру — в нём ещё тлели угли. Взрослые легли спать совсем недавно. Их жар согревал принцессу, укутанную в одну ночную сорочку и тёмно-фиолетовую мантию. Но с каждой минутой угли становились всё холоднее и темнее.

Пар вышел из уст вместе с тихим фырканием. Была бы у Азалии возможность, она бы сейчас забралась в башню Виг-

мара и стала читать романы, но она была совсем далеко от замка. С угодий не было видно даже возвышающихся крыш. Конечно, в сумке до сих пор лежала парочка книг, но принцесса не хотела портить их утренней сыростью — слишком дороги.

Она выпрямилась, подняла голову. Облака розовели, небо прояснялось и окрашивалось в голубой. Птицы звонко пели в лесах, ругались и клевали друг друга. Природа проснулась следом за принцессой. От этого веселее не становилось.

— И что мне делать всё утро? — задала она вопрос небу. — Они наверняка проснутся ближе к обеду, не иначе. Только папа выезжает за пределы замка вместе с Рогиром, так сразу нарушают режим. Анна точно бы избила их тряпкой.

Тихий смешок. Азалия вспомнила, как её фрейлина бежала по комнате слуг и гоняла Фокса, представила на его месте короля и улыбнулась. Карикатурная картина — такого унижения точно никто не должен узнать и даже подумать о нём. Но Азалия думала. Более того, она даже помнила пару инцидентов, когда строгая женщина действительно пару раз ударила самого Луи Сердобольного ветошью по спине — безумная женщина.

А король любил собирать вокруг себя необычных людей. В любом другом королевстве Анну и Вигмара уже предали бы суду и огню. Луи их любил и ценил, как любил каждого в своём замке.

Дверь позади скрипнула. Азалия обернулась на неё. Из

домика, хрустя суставами, вышел рыжий шут. Его глаза были закрыты, но тело уже разминалось и гнулось — поразительно. Принцесса не смела издавать ни звука. Она притаилась, оперла рукой голову и стала наблюдать. Сначала Фокс хрустнул шеей, затем покрутил руками и сел на шпагат — легко, ни капли не задумываясь. Лёг животом на скошенную траву, снова вытянулся и только потом открыл глаза.

Между ними двумя зависло молчание. Даже птицы затихли. Слышен только трепет ресниц.

— Доброе утро, — спокойным голосом поприветствовала Азалия. Фокс выпал в осадок.

— Доброе, — ответил он, медленно поднялся и опасливо обошёл принцессу. — А Вы... Вы чего не спите?

— Выспалась.

Фокс сел напротив, где сидел ещё вчера и насторожился. Он нахмурился, закусил губу и даже подавил зевок. Азалия не играла с ним в капризную принцессу, какой была до сна. Сонный взгляд был направлен на шута, ноги прижаты к груди, на коленях лежала тяжелая голова.

Было что-то особенное в раннем утре для Азалии — совсем как поздней ночью. Не было вокруг шепчущихся слуг, спали даже стражники, которые должны были держать караул и охранять округу. Собаки сопели, укутав свои носы в животы. В этом сонном царстве её перестал волновать даже шут. Но вот тот наоборот обеспокоился принцессой.

Фокс позволил себе легонько коснуться её ноги и тут

же одёрнул палец. Зажмурился. Азалия моргнула в ответ и усмехнулась.

— Я не собираюсь тебя бить.

— В жизни не поверю, — удивился Фокс, открыл глаза и отодвинулся назад. — Не может такого быть, чтобы Смородиновая принцесса не подняла своей руки на шута!

— Смородиновая принцесса?

Азалия наклонила голову и свела брови к переносице. Шут осёкся, прикусил язык и отвернулся. Сболтнул лишнего.

«Смородиновая принцесса». Звучит терпко, необычно и совсем не в духе двора. Азалия мысленно покрутила прозвище, пожевала свой язык и довольно улыбнулась. Кто же мог дать ей его?

Принцесса встала с бревна, подошла почти вплотную и стала сверлить своим взглядом шута. Впервые она увидела, как тот чего-то постыдился и покраснел. Он пытался подобрать слова, но язык с утра предательски заплетался и запинаялся. Взглядами он и подавно не намеревался встречаться — слишком много по нему можно прочитать.

— И кто назвал меня так? — следующий вопрос заставил шута встать с бревна и уйти подальше. Но вот незадача — он не заметил другого бревна, запнулся на нём и упал. Азалия рассмеялась. — Почему ты так боишься отвечать мне? Вчера наоборот был напористым.

— Я не знаю, что ответить, — выпалил Фокс и прикусил

язык. Принцесса подошла к нему, протянула руку. — Это тайна.

— Итан или Фредерик?

Выстрел в небо. Вариантов было немного. Во дворе к ней обращались строго «Ваше Высочество». Рогир дерзкий на язык и не любит красивых речей. Робину она и вовсе была не интересна. Для Луи просто дочка. В этом узком круге богатых на слова людей оставались только трое незнакомцев: Фредерик, Фокс и Итан. И раз Фокс стал убегать от ответа, а не ответил флиртом, то ситуация начинает складываться ещё интереснее.

Фокс проглотил язык и не ответил. Азалия смягчила взгляд, улыбнулась ему и не убрала руку. Один раз можно прикоснуться к шуту, если это поможет расположить его к себе и узнать тайны других других мужчин.

— Вы страшная, — сглотнул он, но принял руку. Принцесса вскинула бровь, потянула на себя и с лёгкостью помогла подняться. — Вчера одна, сегодня другая.

— Утром мысли особенные. — Фокс был немного выше, ей пришлось немного вздёрнуть подбородок. — Я подумала, что лучше будет вести дружбу с шутом, чем быть ему врагом.

— Я вам ничего рассказывать не буду, — продолжал обороняться мужчина. Азалия дотронулась до его волос и вытащила из кудрей маленькую веточку — Фокс одёрнулся. — Не думайте, что со мной сработает флирт! Я не такой ловелас, как вам кажется.

— Я и не прошу ничего. — Принцесса опустила его руку, прикрыла веки и отвернулась. Губы скривились от недовольства — репутация стала играть против неё. — Ты мне уже рассказал, что мне нужно было.

Блеф. Азалия бросила на воображаемую гладь воды приманку и стала вслушиваться в дыхание шута, в его шаги и застывшие слова. Он действительно растерялся, завис ненадолго и даже обогнал её, чтобы посмотреть на реакцию в ответ. Принцесса встретила его улыбкой и вниманием. Фокс окончательно запутался, сел на траву и взялся за голову, взвывая. Звонкий смех пронёсся по поляне, расшевелив короткие травяные колосья.

— Нет, вы не могли ничего узнать! — отрицал Фокс, прыгая на ноги и поджимая губы. Чем дольше он смотрел на надменность принцессы — другую, совсем не злобную, какая была в замке, а весёлую, — тем больше терялся. — Я... я же не сказал ничего!

— Прозвище точно придумал не ты.

Будь у Азалии веер, она бы точно приложила его к губам и скрыла свою лёгкую ухмылку, оставив ту тайной для шута. Открытое лицо читалось лучше, но совсем не облегчало задачу Фоксу. Одно дело — читать простых служанок, не строящих тайны вокруг себя, а другое — читать Азалию. В один день она убегает в сад и прячет лицо, в другой фехтует с Альбертом, в третий читает, дарит платки и пощёчины шутам. Сегодня она снова другая. Этот колорит заставлял

мужчину прыгать с ноги на ногу и пыхтеть.

— «Смородиновая принцесса» — прозвище в духе линейца или поэта, — продолжала девушка. Она зашагала вокруг Фокса, стала смотреть за его руками, мимикой и взглядом. Шут стал более нервным. — Я бы могла предположить тебя, ты ведь назвал моё королевство «Смородиновым», но тогда бы ты так не переживал. Не в твоём духе.

Снова шаг. Второй. Принцесса остановилась напротив Фокса и поднялась на носках, чтобы быть ближе к нему взглядом. Кадык медленно поднялся вверх и тяжело опустился.

— Кто из них двоих дал мне такое прозвище?

Тишина. Фокс был готов упасть от напора Азалии, но не смел шевелиться. Он отвлёкся на скрип двери, повернулся к нему и тут же сорвался с места. Сонный мужчина едва вышел из узкого прохода, наклонился, чтобы не удариться головой и пошатнулся от ветра — Фокс спрятался за его широкую спину и затрясся. Азалия фыркнула.

Вышел Итан. Очень не вовремя.

Шут прищурился, осмотрелся по сторонам и почесал затылок. Он не успел задать вопрос, Фокс тут же вывалил своё беспокойство, обвинил принцессу в домогательствах и стал тыкать пальцем в её сторону. Лис кричал слишком громко, будто с него сейчас действительно стянули шкуру и выбросили прочь. Но виновница торжества стояла спокойно, прикрываясь тёмной мантией и смотря на шутов без ухмылки.

и злобы.

— Прекрати шелестеть, — Итан потёр глаза и зевнул в кулак. — Весь лагерь на уши поднял.

— Я не шелестчу... шелешу... не шумел я! — запинаясь Фокс и дёргал товарища за рукав.

— Красиво говоришь, — бросила Азалия и задержала ненадолго взгляд на сонной фигуре.

Затем она ушла. Быстро зашла за дом, притаилась и прислушалась. Фокс о чём-то громко ругался, отчитывал Итана и выл. Тот же либо был слишком тихим, либо ничего не отвечал — Азалия так и не поняла.

Определённо, между ними была тайна. Принцесса могла только гадать о ней, пока шла по тропе в сторону реки и пинала первый попавшийся камень. «Фокс так переволновался, что запинаясь начал. Ещё этого громилу отругал — я бы точно не осмелилась». — Она подошла к воде, сняла с себя обувь и коснулась пальцами глади — уже холодная. Шаг за шагом Азалия зашла вброд. Прохлада в ногах принесла трезвость и голове.

Знает линнейские песни, говорит образами, подобно Фредерику. Ещё Фокс сильно беспокоился, когда Азалия услышала прозвище. Внутри загорелся озорной огонёк. «Я расстроюсь, если этот шут не связан с Линнеей — слишком складно говорит», — улыбка растянулась на лице. «Почему он скрывает происхождение? Неужели бежавший лорд с линнеи? Слишком воспитан, слишком спокоен и хорошо сложен

— такими либо рождаются, либо становятся спустя года».

Итан стал самой настоящей загадкой, разгадать которую можно только, собрав его по камушкам. Отказался от титула, решил остаться шутом — что он за человек такой?

Азалия обернулась в лагерь. Слуги проснулись и с вёдрами шли в её сторону. Плечи опустились.

Будь на её месте Вигмар, он бы с одного взгляда разгадал эту тайну. Старик, увидевший весь белый и тёмный свет, был самым настоящим ходячим трактатом. Однако, он всегда учил её одному:

— Азалия, прекрати делить людей на категории, — слова старика всплыли в голове в той же строгой манере. — То, что перед тобой старый шут, ещё не значит, что он безнадёжный. Между прочим, он вместе с Луи бывал в Линнее и учился там мастерству.

— А как тогда смотреть на них? — задавалась она вопросом. — Ты смотришь и сразу знаешь, кто там. Я тоже хочу так.

— Для начала пойми, что твоё мнение может быть ошибочным, — продолжал поучать Вигмар. — Это Луи может сразу повесить ярлык на человека перед собой, чтобы быстрее принять решение. Советнику нужно быть гибким и много наблюдать. Слабый корень может дать сильный стебель и наоборот.

Азалия выдохнула. Возможно, неправильно будет с её стороны приписывать Итану линнейское происхождение. Вдруг он действительно вырос среди конюхов и музыкантов, а принцесса уже построила в голове легенду. Мальчик из примерной семьи, сбежавший от тирана-Гингельма! Ну и глупости — не бывает в жизни всё настолько замудрено.

«Говорит как линнеец и пусть», — Азалия вышла из воды и взяла в руки обувь. Она прошла мимо служанок, коротко кивнув им в качестве приветствия. «Все мы отчасти говорим как линнейцы».

Через несколько часов слуги подняли сонных господ, умыли их. Охотники пришли с леса, прошерстили каждый его куст и доложили о местонахождении оленя неподалёку. Было принято решение: поделиться на группы. «Королевская охота выйдет успешнее», — заявил Рогир, встал подле Луи и потянул за собой ещё парочку ребят: Азалию и Итана. Фокс предпочёл остаться в лагере — на удивление прочих слуг, он стал опасаться принцессы и обходил её стороной.

Впрочем, она не была на это обижена. Рядом без защиты находилась совсем другая и более интересная фигура — Итан. В рубашке, без колпака, с охотничьим копьём в руках и кинжалом на поясе он выглядел как человек, за которым действительно хотелось наблюдать. За шутовской маской скрывался прекрасный охотник: он читал следы не хуже Рогира, шёл с ним вместе и часто останавливался, чтобы прислушаться к природе.

«Какой многогранный», — хмыкнула принцесса. — «И кто же ещё был его воспитателем?»

Кончик носа Итана вздёргивался. Шевелились и уши. Как будто среди охотников и псов затесался ещё и хищный зверь. Не хватало только гортанного рычания.

Увлечённость Азалии заметил Рогир. Он развернулся со своим луком, широко ухмыльнулся и весьма неоднозначно глянул на принцессу. Та нахмурилась и отвела взгляд. Действительно, она слишком углубилась в чужие тайны, совершенно позабыв об охоте за зверями.

Хотя, было сложно назвать их пешую прогулку охотой. Мужчины высматривали мелких зверей, выстреливали время от времени зайцев и вешали тех на пояс. Азалия морщилась от запаха крови и шла сильно позади. Она не могла признать в радости к такому развлечению. С непривычки ходить далеко было тяжело и больно — фехтование с Альбертом или подъём в башню не занимали несколько часов. Тут же была самая настоящая тренировка на выносливость. И удобная одежда с обувью совсем не помогали. Азалия остановилась, опустилась в траву и легла в ту. Не волновали ни жучки, ни острая осока — хотелось просто отдохнуть.

Откуда-то сверху шикнули. Пёс отвлёкся от охоты, вынюхал принцессу и стал толкать её своим носом. Она погладила дурно пахнущую собаку по голове и уложила возле себя.

— Азалия, мы на охоте, — строгим шепотом напоминал ей Луи. Девушка закрыла глаза. — Встань немедленно.

— Пожалуйста, охотьтесь, — бросила она и махнула рукой. — Я вас здесь подожду вместе с Харди.

— Кто не охотится — тот не ест, господин Алоизий, — насмеялся над ней Рориг. Он забрал у Итана копьё и палкой стал тыкать принцессе в бока. — Немедленно встань и прекрати мне баловать пса.

— Тише.

Голос Итана заглушил все прочие. Рогир отвлёкся от Азалии и посмотрел в ту же сторону. Принцесса тоже позволила себе открыть глаза и приподняться на локтях — вдалеке никого не было. Одна из собак ушла в лес, усердно вынюхивая что-то. В этой тишине уши Итана уловили звук — они снова зашевелились.

— Господин Рогир, что лесники поют о хозяевах? — спросил он шепотом. Пальцы зашевелились. Азалия не поняла вопроса и вскинула бровь.

— В округе не было ни одного медвежьего следа, — отвечал мужчина. Он взял из колчана пару стрел. Принцесса напряглась. — Ты слышишь?

— Сойка не вернулась. Она первой ушла в лес.

Действительно. Собака ушла ещё до того, как Азалия легла в траву и подозвала к себе другого пса. Всматриваясь в лесные тени, принцесса не видела там ни следа Сойки, ни кого-то ещё, кто мог быть гостем в лесу. Как будто он поглотил в свою бездну всё живое — не пели даже птицы.

Итан сделал шаг вперёд. Он не стал дожидаться, когда

Азалия отойдёт — взял за воротник рубашки и одним движением поднял на ноги, встал перед ней. В том была веская причина — сразу из леса послышался лай и визг. Тишина. Тело сковало тяжелыми цепями.

В лесу кто-то был. Кто-то, кто в секунду смог заткнуть голосистую псину. И это явно был не олень.

Азалию медленно увели назад. Рогир встал рядом с Итаном и расправил плечи, выпрямил спину. Но из леса никто не выходил. Его хозяин не спешил объявляться, не подавал голоса и даже не хрустел ветками. Итан не сводил взгляда с псовой тропы, встал в стойку и будто бы готовился принять животное в свои объятия.

Нет, это — дикость. Нужно было срочно уходить, пока зверь не решил полакомиться и ими. Но запястье принцессы крепко сжала мужская рука — Луи не позволил ей сделать и шага. Он тоже смотрел вперёд. Смотрел за тем, как медленно из-за кустов, из-за тени на них выходит бурый медведь.

Зверь шатался из стороны в сторону, перебирая ногами. Шёл медленно, но точно на заблудших путников. Он был совсем худым и небольшим - вероятно, совсем недавно оторвался от матери и пошёл искать себе еду, и как кстати к нему вышла королевская свита с дурно пахнущими кроликами. Запах крови снова донёсся до Азалии — она прикрыла рот, сдерживая кислый ком внутри. Тело почти испустило дух.

Рогир натянул тетиву, Итан медленно поднял руку — лук

снова опустил вниз. Шут сделал шаг навстречу.

Что он творит? Нужно стрелять! Нужно как можно быстрее зарубить медведя, пока он не напал на них! Так почему же Итан останавливает охотника и идёт навстречу?

Харди зарычал и бросился вперёд. Он обогнал Итана, забил лапами по земле и прыгнул на медведя. Удар. Тушка псатяжеловеса с лёгкостью отлетела в сторону. Сердце Азалии ушло вниз и спряталось в самой земле.

Она должна была удержать Харди за ошейник, притянуть к себе и не дать ему рычать. Но не сделала — испугалась. Теперь Харди лежал где-то в траве, а медведь встал на задние лапы. Его рык ударил по ушам принцессы, заставил зажать их и зажмуриться. Казалось, зверь кличем решил сообщить всем лесным жителям о своей добыче. Решил заявить и о влиянии — он гордо и уверенно стоял на лапах. Широкий, толстокожий и зубастый.

Итан издал клич в ответ, выпрямил спину и раздулся. Его голос сделался громким и тяжелым, пробирающим до самых фибр души. Шут... нет, зверь снял с себя рубашку и напряг руки. Спина широкая, словно горный массив. Он тяжело шагнул навстречу, переваливался с ноги на ногу и продолжал рычать.

Азалия моргнула. Нет. Неужели он собрался идти на медведя голыми руками?

— Безумец! — крикнула она ему вслед.

Медведь упал на землю, разбежался и наклонил голову,

готовясь ударить соперника лбом. Азалия вывернула руку, толкнула отца в одну сторону, сама в последний момент ушла в другую — медведь пробежал прямо между ними. Итан пропустил его и взял из ножен клинок. Рогир выпустил пару стрел — попали в зверя, но сильно ему не помешали. Стрелы были тонкими, с маленьким наконечником — специально для охоты на мелких зверей.

Оставался только один вариант — биться руками и копьём.

Была ещё одна проблема. Стоило медведю только заметить возле себя худую и небольшую девушку, как он тут же решил избавиться от её присутствия, снова зарычал и поднялся на лапы. Азалия отвернулась, пустилась в бега со всех ног, но высокая трава завязывала путы и не собиралась отпускать.

Руки неистово дрожали. В горле встали ёжики, кололись и не проходили дальше. Сердце сильно стучало, хотелось плакать, но слёзы не шли — глаза высохли.

Упала. Встала. Оторвала запутавшуюся осоку.

Она решила обернуться всего на мгновение и тут же застыла.

Итан повалил медведя и держал его своим телом. Пока Рорир закалывал шею зверю тонким копьём, другой зверь замахивался и быстрыми ударами кулака разбивал большой чёрный нос. Даже издалека на костяшках можно было разглядеть кровь. Медведь все ещё жил, брыкался и бил Итана

лапами, царапал кожу большими когтями. Но с каждым ударом становился слабее и слабее.

Азалия снова упала. На колени. Слёзы обожгли глаза. Ёжики с горла опустились к груди и вонзили свои острые иглы.

Неужели Итан спас их? Это правда? Не предсмертная агония?

Она развернула ладони, посмотрела на них — чистые и дрожащие. Пальцы то сгибались, то разгибались. С парой коротких вдохов пришла другая мысль: «Как Итан удержал его?» — и тут же поднялась с колен. Азалия пробралась обратно, пыхтя, и взглядом следила за мужчинами: за отцом, стоящим рядом с мёртвой тушей, за Рогиром, стирающим пот со лба.

За Итаном. На коже кровоточили свежие рваные раны. Сам мужчина выглядел ужасно. Он трясся не меньше Азалии, смотрел в одну точку — на разбитую звериную морду, — сжимал кулаки, но совсем не шевелился. Его грудь до сих пор раздувалась, мышцы оставались твёрдыми. Итан сидел на туше, прижимал ту всем своим телом, будто боялся, что зверь снова встанет. Но тот уже даже не дышал.

Азалия переглянулась с отцом. Тот тоже не мог ей ничего сказать или ответить. Луи смотрел на дочь как на восставший труп. Глаза распахнуты, брови вскинуты, пальцы искусаны до крови.

Нельзя было стоять без дела — их главный спаситель ра-

нен. Девушка расстегнула пару пуговиц снизу рубашки, надрезала ткань своим клинком и резко дёрнула. Треск заставил мужчин обратить на неё внимание. Рогир уже набрал воздуха в грудь, чтобы выразить недовольство, но тут же заткнулся, когда Азалия подошла к Итану.

Она сложила ткань несколько раз, прижала ту к предплечью мужчины — там, слева, рана была глубже, ведь именно этой рукой он удерживал зверя. Взяла его ладонь и крепко зажала сверху.

— Не смей отпускать, — наказала она. Итан посмотрел на неё всего на мгновение и снова отвернулся — его взгляд всё ещё был диким, зрачки узкими. Нарушать указ он не смел, послушался принцессу.

Глаза забежали по полю. Много цветов росло у лесной опушки, но идти туда после медведя опасно. С другой стороны, где обитал один медведь, туда не смел ходить другой.

Решено.

— Азалия! Там опасно! — крикнул Луи и протянул руку к дочери. Увернулась.

Наплевав на отцовский указ, она поднялась на ноги и побежала к лесу. Рядом она не видела ни одного полезного растения, но вот Вигмар писал и рассказывал о белых маленьких цветочках, о желтых, о крапиве и подорожнике — подойдёт всё, что хотя бы немного может помочь остановить кровотечение или обеззаразить рану.

Руки рвали растения, не глядя. Первостепенно нужно бы-

ло собрать материал, уже потом Азалия будет его перебирать и пускать в ход. Высокое с толстым стеблем и мелким белым соцветием первым было порезано карманным кинжалом принцессы. Следующим в букет пошёл зверобой. После него путь лежал к кустам крапивы.

Замялась. Только на секунду, чтобы отогнуть лист крапивы к стеблю, не обжечься и срезать. Но полностью избавиться от уколов крапивы было невозможно — её шипы ловко проходили через защиту Азалии, через остатки её рубахи и укалывали. Пришлось спешно вернуться.

Возле медведя лежал ещё один травяной сбор с подорожниками. Луи помог дочери, собрал всё, что видел, и сверху положил фиолетовые цветы, похожие на колокольчики. В детстве Азалия собирала их в саду и жевала основания бутонов из-за их сладости. Сейчас они помогут ране Итана зажить лучше.

— У нас... нечем перетирать травы, — принцесса осмотрелась. Рядом не лежало даже никакого камешка.

— Вручную сделаем, — Рогир присоединился к травникам и взял пару растений. — Какие нужны?

— Вот эти белые, эти ещё и те. — Азалия брала по одному цветку, давала их мужчинам, а сама взяла себе крапиву.

Шипы воткнулись в пальцы. Кожа болела и совсем не думала грубеть — выбора не было. Азалия отрывала листья от стебля, вкладывала в них перетёртые цветки и складывала в конверт, чтобы пропитался сок.

Внутри метались кошки. Вигмар не учил её врачеванию, а все его травники и трактаты были ознакомительными. Описаны свойства, строение тела, его размышления — ничего, что действительно могло помочь в поле. Этот дряхлый старик беспокоился о том, чтобы Азалия не перепутала зверобой с чистотелом, но не дал инструкций по пользованию! Можно ли мешать травы? Не сделает ли девушка хуже? Не умрёт ли вообще Итан после такого?

— Пробуй, — его голос вернул Азалию в реальность.

Она сидела напротив со свёртком и боялась дотронуться до кровавой тряпки. Руки дрожали. Итан помог ей, убрал свою руку и открыл рану. Кровь не переставала течь.

«Большую рваную рану необходимо промыть, прижечь и зашить как можно скорее, не забыв обработать травами», — указ Вигмара встал в горле. Луи открыл флягу с водой, вылил остатки на рану Итана и подтолкнул руку Азалии, прижимая лекарство. Итан одёрнулся, закрипел зубами и зажмурился — он стал приходить в себя и чувствовать боль.

Тут же лекарство прижали сверху подорожником. Рогир пожертвовал своей рубашкой, чтобы хорошенько перевязать рану.

— Я толстый, с меня ткани больше, — пояснил он и тал затягивать распухшую руку Итана. — Руку не вывихнул? Что насчёт других ран?

— Всё... в порядке, — выдавил мужчина и тяжело выдохнул. Его другую ладонь взял Луи и приложил сверху ещё

один готовый травяной сбор. — Не стоит.

— Нам идти до лагеря долго, — говорил король с завидным спокойствием, будто занимался лечением подданных каждый день. — Можешь встать или нам понести тебя?

— Могу. Рука отнимается.

Азалия продолжала сидеть рядом. Её ладони уже ничего не держали и сиротливо лежали на коленях. С такими ранами и радикальным лечением Итан продолжал терпеть и даже не пустил слезу — удивительно. Удивительно сильный не только телом, но и духом.

Он посмотрел на девушку в ответ — глаза блеснули. Дыхание Азалии замерло.

— Спасибо, — кивнул он и попробовал встать. Тело пошатнулось. Принцесса подалась вперёд и подставила плечо — ноги задрожали. Итан поймал почву под ногами, выпрямился взялся за голову. Рогиру и Луи пришлось встать рядом.

— Меньше трать сил на разговоры, герой, — похлопал его по спине барон и рассмеялся. — Принцессу спас с королём — поступок, достойный звания лорда.

— Я не один... стоял... — Каждый шаг давался Итану всё тяжелее, но он продолжал идти и разговаривать.

— Ты медведя завалил! — продолжал расхваливать его Рогир. — Расскажем Фоксу, он тут же сочинит о тебе красивую балладу.

— Геройская история уже есть, остался титул, — присо-

единился Луи. — Итан Берсерк! Звучит очень громко и сурово.

— Я — шут, — препирался он.

— Ты — герой.

Принцесса шла позади них, подслушивала разговор и держала чёрную шутовскую рубашку — подобрала её, пока мужчины были отвлечены. В руках она казалась не такой большой — самая обычная, такая была и у Фокса. Но как в неё поместилась такая гора мышц — самая настоящая загадка.

Голая спина Итана ничуть не сдулась и всё ещё продолжала казаться большой. На смуглой коже даже проглядывался тёмный волос. Шут повёл себя как зверь, принял удар и даже смог выжить — поступок, о котором точно будут сочинять баллады ещё много столетий. Но смотреть на него как на зверя Азалия не могла — совсем не подходит ему этот образ. Куда лучше Итан выглядел в рубашке, с лютней в руках и лёгкой улыбкой.

Выдох.

Ноги остановились. Принцесса обернулась на поляну — там всё ещё проглядывалась тёмная шерсть медведя. Медведя, безжалостно убившего двух собак. Он едва не унёс их жизни. Что было бы дальше? Ушёл в лагерь, там бесчинствовал после сытного обеда и захватил бы уголья.

«Хорошо, что Итан пошёл с нами», — с этой мыслью от души отлегло. «Даже не просит награды. Станный он чело-

век».

Цокот и ржание коней привлекли внимание. Охотники нагнали их на лошадях и застыли на месте. Азалия не успела моргнуть, как Итана погрузили на одного из коней. Моргнула — устремились вперёд. Ещё один наездник предложил принцессе поехать следом, затем указал на её оголённый живот.

— Прикройтесь, Ваше Высочество.

И ведь действительно — не подобает леди в таком виде являться в лагерь. Но чем ей спрятать срам?

Рубашкой Итана.

Выбирать не из чего — она набросила одежду на плечи, застегнула её и утонула — настолько та была большой, в сравнении с худой принцессой.

Мужчины ушли назад показывать добычу Итана. Азалия оставила их, поднялась на лошадь и положила ладони на талию наездника, чтобы не свалиться. Ей лучше покинуть уголья, вернуться в лагерь и привести себя в порядок. С медведем есть кому разобраться.

К тому же, нужно было проследить, чтобы Итану оказали нужную помощь.

Глава 7. Итан Берсерк

Стоило только принцессе вернуться в лагерь, как всеобщее внимание обратилось на неё. Служанки вздыхали при виде растрёпанных волос, помятой рубашки Итана и грязных портков. И раненый мужчина совсем не объяснял ситуацию — злые языки только громче шептались.

«Вы слышали рык?»

«Принцесса в его рубашке. Почему не в своей?»

«Защитил от зверя? А чем они занимались до этого?»

«Где король?»

Объясняться не было желания. Спрыгнув с лошади, Азалия открыла дверь, придержала ту и впустила Итана в охотничий дом. Он едва держался на ногах: пошатывался, взгляд был тяжелым и опущенным вниз. Повязка из рубашки Рогира пропиталась кровью и немного капала. Принцесса легко коснулась широкой спины, обращая на себя внимание, и кивнула в сторону одной из комнат — там распивали чай придворный лекарь с парочкой слуг.

Распивали недолго. Напиток полился из носа лекаря, когда тот встретился с пациентами взглядом.

— Медведь напал, — коротко пояснила Азалия и передала Итана мужчинам. Его посадили на кровать, разрезали повязку и ужаснулись.

— Медведь?! — криком повторил лекарь. Его тёмные усы

вдруг побелели. — Где вы его нашли?! Азалия, немедленно раскали это.

Мужчина бросил первое попавшееся со стола — железную кружку. Принцесса поймала её у своего лица и захлопала глазами. Выбор был странным: «Почему кружка?» Лекарь взял сухие, чистые повязки у ассистентов и стал давить на рану. Он приказал им найти иголки, нитки и покосился на девушку — намёк понят.

Вышла на улицу. Охотники с другой группы уже вернулись с добытым оленем, для них разожгли костёр и готовились к приготовлению туши. Азалия разогнала слуг своим присутствием и бросила кружку в самые угли. Один из лордов надулся и решил поругаться с принцессой — её взгляд заставил запнуться на полуслове. Недовольный, нахмуренный, но в то же время растерянный и усталый. Губы были поджаты. Она не говорила ничего, но и без того было ясно — что-то случилось.

— Эй, а где Итан? — Фокс возник из-за конюшни. Он потягивался, улыбался и переминался с ноги на ногу. — Почему ты...

— На нас медведь напал.

Слова принцессы снова подняли шум вокруг. Кружка покраснела — ещё недостаточно. Придётся терпеть сплетни и ждать. Лорды не могли получить ответы на волнующие их вопросы — лесники, охотники и пара стражников выехали на лошадях сразу, как только слышали нечто похожее на

рык. И до сих пор не вернулись. «Наверняка прочёсывают лес», — заключила Азалия и протянула руку слуге с кочергой. Тот отдал её без лишних вопросов.

Но вот Фокс вдруг затих. Он озирался на охотничий домик, не мог найти себе места, но и не мог спросить у принцессы подробностей — язык заплетался. Юноша жевал его, задирали кожу возле ногтей и стучал ногой. Когда принцесса взяла кружку, то шут тут же открыл ей дверь и скользнул следом. Фокс смог подсмотреть только одним глазом за Итаном, пока его не выгнали. Кошунство! Он тоже имеет право знать, что с его товарищем!

Короля в лагере не было. Рогир тоже ещё не приехал. А двое пострадавших сейчас сидели за закрытой дверью лазарета. Шута пробила самая настоящая дрожь.

Что это был за медведь? Откуда он? Живы ли другие? Почему лесники не сообщили о такой опасности? Где сейчас медведь?

Фокс выскочил из домика ветром и стал расспрашивать всех, кого видел. Ничего нового он не узнавал. Два стражника, которые привезли пострадавших, ускакали обратно в уголья, поэтому шут не мог даже узнать, жив ли король и барон. Это раздражало. Принцесса не плакала, значит, всё не так плохо — единственный вывод, который можно сделать на основе всего. Никто из слуг и понятия не имел, чем же закончилась перепалка со зверем.

— Вот так поспал! — вырвалось из уст Фокса, пальцы

схватились за рыжие кудри и сжали те. — Надо было идти на охоту с ними!

— Даже шут не знает правды, — сочувственно вздохнула одна из служанок и загремела посудой рядом с ним. — Тот здоровяк выглядел паршиво. Но какое же у него тело! Выдержал удар медведя!

— Ему руку чуть не оттяпали! — возмутился шут. Служанка притихла и надула губу. Его рука тяжело взлетела вверх. — Сплетни на меня оставь. Работай — не чеши языком.

В прыжке он встал на ноги и зашагал к окраине лагеря, в сторону, откуда должен приехать король. Впервые Фокс чувствовал такое беспокойство и не мог найти себе места. Хотелось сорваться, пойти в уголья, увидеть всё своими глазами и затем поведать лагерю историю — нельзя. Объявился один медведь, может объявиться и другой. Зверь не поймёт человеческих шуток, не сядет рядом и не станет шутить в ответ.

Из домика слышен сдавленный, глухой рык. Фокс прикусил щеку и сразу выдохнул. Итан подавал признаки жизни, терпел лечение и совсем не собирался сдаваться. Это успокаивало. Осталось только получить новости из первых рук.

Он не знал, сколько прошло времени. Просто сидел на траве, жевал колос и всматривался в закатное небо. Запах жареного мяса доносился даже до самого края лагеря, но он совсем не интересовал урчащий живот. В какой-то момент, молча, к его ожиданию присоединилась и принцесса — умы-

тая, причёсанная и переодетая в одно из лёгких платьев.

— С Итаном всё в порядке? — спросил шут, когда почувствовал чужое присутствие.

— Не знаю, — ответила Азалия. Фокс слышал, как её ногти царапали кожу. — Меня выгнали.

— Сильно ему досталось? — карий взгляд переместился с поля на принцессу и жалобно заблестел.

— Достаточно, — снова сдержанный ответ. Со вздохом Азалия добавила. — Твоя байка про Итана и медведя неожиданно оказалась правдой.

От разговора отвлекла дрожащая земля и топот копыт о землю. Вдалеке показались скакуны с наездниками. Шут и принцесса расступились по сторонам, пропуская короля с его свитой. Запах парного мяса ударил в нос, заставив Фокса пошатнуться. Азалия, напротив, прижала нос платком и отвернулась. На лошадях частями привезли потрошенного медведя и его шкуру.

Тревога частично покинула тело шута. Он воскликнул на весь лагерь о возвращении короля и барона, гордо приказал слугам как можно быстрее приготовить посуду для готовки, и подбросил в угли охапку сухих веток, взятых неподалёку — за это едва не получил по голове.

Потом ушёл следом за королевской свитой в платку. Улыбка спала с лица. Фокс не знал, что делать и говорить. Ждал приказа старших, суетился и хрустел костяшками. На этот раз Азалия молча присоединилась к их разговору и се-

ла за рабочий стол барона. Она выглядела потерянно, держалась за голову.

— Фокс, ты знаешь, что произошло в лесу? — спросил его Рогир. Шут отрицательно покачал головой. — Что сейчас с Итаном?

— Лекарь забрал его и выгнал меня, — ответила принцесса. Её голос звучал сдавлено. — Рана рваная, но не сильно глубокая. Если заживёт, сможет двигать ей, как раньше.

— Провозгласи на весь лагерь, что Итан завалил медведя голыми руками. — Луи Сердобольный подошёл к Фоксу и положил руку на его плечо. Тот сглотнул и растерялся. — Он действительно повалил его — посмотри на шкуру.

И правда. Голова медведя была в страшном состоянии: сломанный нос, кривая морда и ужас, застывший в предсмертной агонии зверя, — из такого нельзя было сделать даже ковёр. Но это и было подтверждением силы Итана.

— Завалил медведя, спас принцессу и получил её платок, — весело ухмыльнулся Рогир, бросив взгляд на принцессу. Та ничего не сказала в ответ, только хмыкнула. — Теперь он точно не сможет уйти от рыцарства.

— Будет выполнено, господин. — Шут низко поклонился и улыбнулся, как улыбался всегда. Не прошло и мгновения, как он выветрился из палатки и стал голосить за её пределами.

Принцесса встревоженно взглянула на него, задержала дыхание. Она совсем не хотела, чтобы в народе разошлись

слухи о её связи с Итаном. Отец и барон, как назло, сами рождали и поддерживали их. Азалия так и не забрала свою личную вещь. Ужас схватил её хрупкое сердце своими когтистыми лапами — разве так можно?

Но Рогира и Луи совсем ничего не смущало. Оба покосились на неё.

— Вы мне ещё проблем решили добавить? — выдохнула она и зацарапала макушку. — Не нужно меня сватать.

— Мы и не сватаем, — ответил Рогир. Он нашёл среди своих вещей ещё одну рубашку и тут же переоделся.

— Платок — символ одобрения, милая, — кивнул Луи и мягко улыбнулся. — Ты ведь сама хотела, чтобы шут стал рыцарем. Теперь он не сможет отказаться.

Вот чем обернулось сострадание и помощь — не только грязные слухи распространились по лагерю, но и сам Итан теперь в неудобном положении. Раз отказался от рыцарства, значит, на то была причина. А тут ему не отвертеться — другие не позволят.

Азалия хотела вырыть себе яму да поглубже, чтобы закопаться в той и больше никогда не видеться с людьми. И почему только другие женщины могут крутить интриги за спинами целых королевств и выходить сухими из воды? Зато стоило ей в полевых условиях зажать рану пострадавшему, так это сразу становится поводом для обсуждения!

Пережить собственный стыд ей не позволили. Вывели на улицу. Рогир взял шкуру, отряхнул её и вышел из палатки,

показывая всему лагерю трофей шута. Лорды со скромной оленьей тушей и небольшими рогами опустили руки. Их добыча на фоне избитого зверя выглядела совсем жалкой. Всеобщие взгляды обратились и на принцессу. Только теперь вместо насмешливого осуждения в тех читался страх. Она ведь первой приехала в лагерь вместе с Итаном.

— Не может простой шут избить так медведя в одиночку! — прыснул самый смелый лорд — бывалый охотник, взявший с собой сына, того самого, кривого.

— Верно, — поддакнул Рогир. Его голос был громким и тяжелым, в сравнении с Луи. — Медведя побороть может только сам медведь! Вы бы слышали его клич! Я готов поклясться, что передо мной стоял совсем не человек — зверь. А как он рычал!

Шкура в его руках подняла лапы вверх и надулась. Она выпустила когти, махала ими в стороны и заставляла слушателей хвататься за сердца. Даже голова поворачивала туда, куда ей приказывал барон. Глубокий голос подражал звериному, но совсем не был им.

Азалия снова вспомнила рык Итана. По спине пробежался холодок. Он тогда звучал совсем не по-человечески. Клич будто бы шёл тогда из самых недр его души.

— Я так не ругаюсь на своих отпрысков — настолько пробирающим и громким был его рык! — продолжал наводить суету Рогир. — И снял он с себя рубашку, встал напротив медведя. Совсем не боялся. Ни капли страха в его глазах я

не увидел.

— Неужели действительно подрался с медведем? — ахнула любопытная служанка и прикрыла пальцами губы.

— Набросился на него голыми руками, повалил с ног и как начал бить по носу! — ответил барон. Он опустил шкуру, взял голову зверя и показал всему лагерю сломанную морду. — У нас собой не было стрел — одно только копье. Итан удержал зверя в одиночку — это говорит вам не шут, а сам Рогир Бучер!

Лагерь зашептался. Лорды, охотники и слуги стали пересматриваться. Они озирались на трофей, передавали из уст в уста историю и всё ещё сомневались. Но репутация Рогира говорила сама за себя — бывалый охотник, военный и человек чести. Король рядом с ним кивал и не мешал рассказу.

— А что с принцессой? — спросил другой лорд. — Почему она возвратилась такой? Не застали ли вы двух молодых...

— Что за вздор! — прервал его Рогир. Он бросил шкуру лёгким движением стражнику — тот шатнулся, — спустился к юноше и взял того за челюсть. — Да у шута чести больше, чем у вас всех вместе взятых! Не оторвать бы тебе твой длинный язык за грязные слухи? Она пожертвовала своей рубашкой, чтобы остановить кровь королевскому защитнику! Отдала свой платок, принесла травы и оказала первую помощь — гордитесь своей принцессой, а не позорьте её честь!

Пальцы барона захрустели. Лорд жалобно вцепился в его

руку, но не смог оторвать ту от себя. Юноша получил титул по наследству и совсем недавно выпорхнул из отцовского гнезда — ещё не успел набраться сил и веса, чтобы конкурировать с Рогиром. Мужчина толкнул лорда вперёд и сверкнул взглядом.

Никто не смел перечить барону. Человек, который громче всех кричал о силе мужчины и его главенстве в доме, впервые защищал честь женщины. Женщины, которую до этого считал наивной и слишком умной.

— Откройте запасы смородинового нектара в честь нашего героя, — подал голос Луи Сердобольный и кивнул слугам — те поклонились и засеменили в охотничий дом. — Омоем же благодатным вином туши зверей и помолимся за здоровье Итана Берсерка!

Азалия не заметила, как скоро её посадили за стол между бароном и королём. Перед лицом нарисовалась тарелка с мясом и свежими лесными ягодами. Она обдумывала каждое слово Рогира, находилась мыслями далеко от пира и совсем не думала возвращаться. Только что представление об этом человеке полностью перевернулось. Барон мог рассказать о том, как медведь бросился на них сам, разбросал собак и едва не задавил принцессу — не стал.

Он не говорил об этом и после смородиновой настойки. Распылялся о силе Итана, гордился его достижением как родной отец, но совсем не упоминал об Азалии.

От сердца отлегло. Все вокруг распивали спиртное, хва-

лились достижениями и охотой. Даже Фокс бегал среди толпы, подхватывая слухи и расспрашивая лекаря о ране товарища, чтобы сильнее украсить историю. Охотничий дом сиротливо стоял в стороне, возле него только ржали лошади и обгладывали кости собаки — кажется, они даже не заметили потери двух братьев. Азалия печально вздохнула.

Не хотелось даже притрагиваться к ароматному мясу — живот скрутило от одного его вида. Все вокруг поглощали угощения с большим аппетитом, хвалили повара и охотников за туши двух зверей. А перед глазами девушки всё ещё стояла картина мёртвого медведя и Итана с рваной раной. Рука потянулась к кубку напротив. Губы ужасно сохли, слюна вязала. Единственное, чего действительно хотелось Азалии, так это вкусить сладость компота и успокоить тревогу в сердце.

Глоток.

Резкий, приторный привкус ударил по языку и горлу принцессы — она бросила кубок вперёд и стала кашлять. Язык мгновенно осушило спиртом, покрыв тот кислой плёнкой. Азалия кашляла, хваталась за горло и жмурилась. Рогир подал ей другой кубок, рассмеявшись — тот тоже был наполнен настойкой. Об этом она узнала после глотка.

— Чёртов барон! — под всеобщие смешки принцесса плевалась. Ещё один кубок ей протянул отец. Снова горькая настойка обожгла рот Азалии, только теперь она проглотила ту. Случайно. — Папа! И ты туда же?!

— Нужно же когда-нибудь тебе попробовать спиртное. — Луи наклонил голову, улыбнулся и икнул. Кислый запах вина, мяса и ягод ударил в нос принцессы. Она зажмурилась, встала и вышла из-за стола. — Эй! Ты куда, милая?

— Подальше от вас всех! — выкрикнула она. Рогир продолжал насмехаться над ней и утирал слёзы, за что получил удар кулаком по спине. Кусок мяса встал в его горле.

— О, нет! Берегитесь пьяной принцессы! — выкрикнул Фокс.

Азалия бросила свой недовольный взгляд и на него, но получила в ответ подмигивание и улыбку. Совсем другую улыбку, не насмешливую, какую обычно шут бросал ей. Принцесса смягчилась, отвернулась и поспешила уйти в охотничий дом.

Нужно навестить Итана. Фокс не озвучил просьбы, но та читалась на его губах. Читалось его беспокойство. Беспокоилась и Азалия. Не поднялась ли температура у Итана? Как он чувствует себя после лечения? Получилось ли остановить кровотечение?

Она зашла внутрь. На столе у входа стояла глубокая деревянная тарелка, в той — горячая похлёбка из свежего мяса. Итану поставили еду отдельно, но не занесли. Так дело не пойдёт. Азалия взяла полотенце, подхватила им тарелку и ложку. Слуги ушли, оставив только догорать свечи. Грудь опустилась с выдохом.

Остановившись напротив двери, принцесса замерла. А

что она сейчас делает? С тарелкой супа идёт к одинокому шуту, пока весь народ празднует? Анна бы точно сказала ей: «Не смейте позориться».

Полотенце нагрелось. Оно стало обжигать руки Азалии, но та всё ещё стояла перед дверью. Задумалась.

Однажды она уже помогала больным детям, когда был жив Вигмар. Пока он лечил, девочка таскала с кухни гостинцы и угощала каждого.

— *Деда говорит, что сытный ужин поможет скорее восстановиться!* — приговаривала она и протягивала какой-нибудь пирожок или сладкую булочку.

Были среди детей и те, кто сторонился принцессы. Один такой совсем молчал — ни с кем не разговаривал, не смеялся и даже не плакал, когда Вигмар лечил его руки и ноги. Азалия помнила только красную кожу и пузыри. Старик лечил его долго и очень ответственно, будто сама его жизнь зависела от спасения мальчика. Тот отказывался от еды и выглядел так, будто только что потерял родную мать.

Азалия плохо помнила его и вообще забыла о мальчишке сразу, как только он уехал из замка. Но почему-то сейчас она почувствовала единение с тем днём, когда пациент впервые за несколько ночей согласился поесть. Тогда Вигмар тоже распорядился о готовке мясной похлёбки.

Вигмар сказал бы: *«Неважно, что скажут другие. Сейчас этот человек нуждается в твоей помощи»*, — так он гово-

рил ей каждый раз, когда дети слуг тыкали пальцем в принцессу и смеялись с её помощи больным.

С выдохом подбородок поднялся выше. Плечом Азалия толкнула дверь и осторожно вошла в полумрак. Свеча одиноко горела на столе лекаря, её пламя слегка колыхнулось. Итан лежал на кровати, сложил руки на груди и даже не пошевелился. «Ногами вперёд — плохая примета», — принцесса пошла внутрь, придержала дверь ступнёй, чтобы та не хлопнула, и на цыпочках подошла к столу. Поставила горячую тарелку.

Глаза Итана были закрыты, лоб покрыт влагой. В тишине Азалия слышала его тяжелое дыхание. Она взяла полотенце, приложила его ко лбу мужчины и стёрла пот. К её сожалению, в комнате даже не стояло холодной воды. Только одинокая почерневшая кружка.

— Лишь бы выпить, — тихо выругалась Азалия. — Будь жив старик, он бы их всех выпорол.

Она осмотрелась, нашла ведро в дальнем углу и подошла к тому. На кровати послышалось шевеление. Оглянувшись, девушка увидела, как Итан опёрся на больную руку и попытался встать, совсем тихо и беззвучно. Живой. Бросив ведро, она подошла к нему, подала руку и недовольно покачала головой.

— И чего встаёшь? Тебе руку только зашили, а ты напрягаешь её. Хочешь, чтобы швы разошлись?

— Не ругайтесь, — вяло выдавил из себя Итан. Он сел на кровать, потёр глаза и повёл больной рукой. — Я услышал Вас.

Слишком жалкий для героя. Повязка на раненой руке снова окрашена в красный, та и вовсе была перебинтована так, будто Итану не только расцарапали её, но и вывихнули. Перемотан был даже правый кулак. Итан уже и не вызывал такой страх и тревогу. Его звериная сущность растворилась. Даже Рогир на собрании выглядел внушительнее и страшнее.

Зависла короткая пауза. Азалия потупилась, почувствовала себя неловко и не знала, куда себя деть. Она хотела принести воды, навести порядок у лекаря в комнате и тихо осмотреть больного, пока тот спал. Теперь же он смотрит на неё с таким же глупым видом.

Уйти? Нет, после увиденного хотелось убедиться, что Итану достаточно хорошо зашили рану. Раз он проснулся, над ним можно провести манипуляции, похозяйничать, как это всегда делал старик.

— Тебя сильно лихорадит? — спросила Азалия.

— Нет, — ответил Итан. — Тут не хватает воздуха.

Она подошла снова к нему, обтёрла руки о юбку и приложила тыльную сторону ладони ко лбу. Итан одёрнулся и резко выпрямился. Его лоб продолжал быть мокрым и тёплым. Ладонь переместилась на шею — никакого жара Азалия не почувствовала.

— Вам не положено... — мужчина выдохнул, когда прин-

цесса отошла от него.

— А положено ли лекарям праздновать во время лихорадки пациента? — На этот вопрос она не получила ответ. — Покажи мне свою руку, я хочу убедиться, что тебя хорошо вылечили.

— Вы не обязаны, — продолжал сопротивляться Итан. Азалия облила руки самогонкой над ведром и взяла чистую ветошь. — Вашей мудрости может не хватить на знахарство. — Повязки новые накладывать я умею.

Развязав ткань, девушка стала разматывать повязку с руки. Кровь прикипела к ткани, тяжело отходила, и ту пришлось размочить ещё одной порцией самогонки — лекарь точно будет недоволен, но иначе здесь нельзя. Азалия не хотела открыть рану снова, повредить её и снять коросты от обжига. Итан сжимал челюсти, давил пальцами на деревянный каркас кровати и шипел.

— Не только сильный, но и стойкий, — расхваливала его Азалия. Она брызнула ещё парой капель самогонки на последний слой повязки. Послышался хруст дерева. — Прости, но тебе придётся потерпеть. Сейчас будет больнее.

Итан ничего не ответил. Девушка легонько дёрнула на себя один раз. Второй. Смочила снова ткань спиртом и на третий раз смогла снять прикипевшую повязку. Ком встал в горле. Мужчина часто задышал и широким взглядом сверлил пол.

Лекарь прижёт не всю рану, и потому та всё ещё кровоте-

чила. Он зашил её грубо, не плотно и спешно — Азалия покачала головой. Швы у Вигмара всегда были более плотными и тугими, старик не боялся причинить боль пациентам и всегда старался оставлять шрамы небольшими, незаметными.

— Тебе наносили какую-нибудь мазь? — спросила она. Итан пожал плечами. — Мгх, ну вот почему этому бездарю нужно было прямо сейчас запить?

— Говоришь как... один старый врач, — мужчина выдохнул, моргнул и тихо проговорил. Азалия глянула на него и подняла бровь. — Он тоже всех бездарями называл.

— И заслуженно, — кивнула девушка. Итан усмехнулся. Лекарь не был совсем бездарным, он оставил медвежий жир и мазь на столе. Та пахла мёдом, смолой, а под свечой можно было разглядеть вкрапления перемолотых трав и лепестков. Азалия взяла отдельную чашу, смешала в той жир и тягучую мазь и искоса посмотрела на пациента. Тот поймал её взгляд и отодвинулся в сторону.

— На мне раны как на собаке заживают, — сглотнул он.

— А надо как на медведе, — ответила Азалия, взяла чашу с мазью, прикусила губу. — Ты же герой. Тебя весь лагерь зовёт берсерком. Неужели боишься мази?

— На воздухе рана заживает лучше, — упрямылся Итан. Он глянул на руку, маленькая струйка крови начала стекать с шва. — В Кюрранте ужасные врачи, от ваших лекарств на дерево забраться можно.

— Потому что сил придают, — девушка ухмыльнулась,

сделала шаг вперёд.

И дело было совсем не в том, что Итан, большой и грозный зверь, боялся её. Только что он выдал ей ещё одну интересную и важную зацепку и ещё не осознал это. Она снова вернулась к утренней головоломке.

Факты сложились в голове. Человек, выросший в Кюрранте, явно не стал бы так сторониться здешних врачей. У Итана точно был опыт лечения в другом месте.

— Вигмар учился врачеванию в Линнее, — выдала девушка.

Удар под дых. Итан задержал дыхание и замер. Азалия воспользовалась его замешательством, поймала руку и намазала на ту густую мазь. Мужчина зажмурился, шикнул и не смог сдержать собственного тихого стога. Оставив его в комнате со словами: «Сейчас вернусь», — девушка выбежала из охотничьего домика в припрыжку и хихикнула сама себе.

Итан — не местный! Вот это сокровище! Он не просто так знал песни, не просто был учеником линнейского музыканта, а сам прибыл из дальних краёв!

Пока пьяные тела звали её к себе, шумели и галдели, Азалия забежала за домик, засеменила по полю и, отыскав кусты крапивы, сорвала листья и побежала обратно. Пальцы страшно закололо, но то было совсем не из-за шипов. Наконец-то ей удалось разгадать этого громилу!

Девушка остановилась возле домика. Задумалась.

«А чего линнейский шут тут забыл?» — хороший во-

прос. Он приехал немного позже Фредерика, стрелялся с ним взглядами и будто бы вёл тихую борьбу с сыном Солнца. «В каких они отношениях? Не следит ли он за нами всеми?» Какой бы ни была сильной любовь к Линнеи, Альберт говорил ей правильные вещи на занятиях — линнейцы им враги. Сейчас враги. Хотя и раньше были самыми верными союзниками.

Азалия медленно зашагала обратно в дом, размышляя. Голова кипела.

С другой же стороны, отец отнёсся к Итану слишком горячо и добро. Итан говорил не такими сильными образами, как тот же Фредерик. Знает ворчащего целителя, знает методы его лечения. Был ли он одним из тех детей, которых лечил Вигмар?

Она снова ускорилась, забежала в дом и с силой толкнула дверь. Итан резко обернулся, будто перед ним сейчас стояла не девушка, а самое настоящее лесное чудовище. Впрочем, взгляд Азалии совсем не отличался от звериного: суженный, любопытный, улыбка широкая.

— И сколько ты в Кюрранте? — спросила она.

— Всю жизнь, — сдавленно ответил Итан. Азалия захлопнула дверь, прижала ту ногой и зашагала к мужчине, раскачивая бёдра из стороны в сторону. — Ваше Высочество, Вы меня пугаете.

— Почему ты скрываешь своё происхождение?

Вопрос снова заставил Итана замолчать и отвернуться. Он

выглядел как загнанный в угол зверь. Удивительно, что победивший медведя мужчина так себя вёл с ней. Девушка омыла и крапивные листья самогоном, для надёжности, и затем приложила их к мази. Только потом обернула руку чистой, сухой повязкой, заботливо затянула ту, не туго, и смягчила улыбку. Совсем не она пару мгновений назад чуть не набросилась с расспросами.

— Ты такой сильный, — стала она его расхваливать сладкими речами. Итан забрал свою руку, прищурился и стал внимательно всматриваться в лицо принцессы. Её переменчивость пугала. — Не знала, что медведя можно так легко повалить.

— Он был слаб и молод, — ответил мужчина. — И Вы помогли побороть его, когда отвлекли на себя.

— Я? — Нормальность вернулась к лицу Азалии: она перестала улыбаться, больше не строила глазки и стала серьёзнее.

Как оказалось, принцесса действительно сыграла важную роль в борьбе с медведем, хоть и не поняла этого. Могла остаться на месте, стать жертвой и раззадорить зверя сильнее, но сбежала. Как раз в тот самый момент Итан навалился на него и сбил с ног.

Неожиданно.

Азалия не знала, что ответить на слова Итана и пожала плечами. Она ведь побежала неосознанно. Потом срезала свою рубашку, оказала первую помощь и не дала ему упасть.

Разве так не сделал бы на её месте любой другой человек? Папа же тоже собрал травы, а Рогир пожертвовал рубашкой.

— Суп остыл, — вдруг она вспомнила о цели своего визита. Тарелка попалась на глаза. — Тебе нужно поесть, чтобы набраться сил.

— Успею, — ответил Итан. Недовольный взгляд снова уставился на мужчину. Секунда. Вторая. Плечи покорно опустились, он встал, сел за стол и взял ложку. Азалия гордо улыбнулась себе и расставила руки в бока.

Дверь позади отворилась. В комнату зашёл недовольный и запыхавшийся Фокс. Он тяжело дышал, сжимал кулак и едва ли не плакал.

— Вы смеете хихикать здесь и лобзаться, пока я с этими пьяными дураками вожусь?! — выкрикнул шут, указал пальцем на товарища и принцессу. — Я тоже вообще-то переживаю!

Фокс тяжелыми шагами пересёк комнату, легонько оттолкнул Азалию и встал напротив Итана. Его губы поджались, к краям глаз подступили слезинки. Когда мужчина на стуле выдохнул и встал, шут без какого-либо стеснения обнял его и уткнулся в большую грудь.

— Ещё раз вычудишь такое, и я перестану прикрывать тебя! — пригрозил Фокс, шмыгая и хлопая. Итан усмехнулся и потрепал его по голове.

— Прикрывать уже нечего.

Два взгляда, заплаканный и уже успокоившийся после

войны с мазью и самогоном, устремились на принцессу. Она стояла возле двери с гордым и довольным видом. Мало того, что у неё получилось пощупать чужие раны и вспомнить наставления старика, так ещё и разгадала чужую тайну.

— Я всем расскажу, что Вы с Итаном уединились в лазарете, — пригрозил ей Фокс, утерев сопли и хитро улыбнувшись. Азалия переменялась в лице, взяла стеклянный бутыль с самогоном и подбросила в руках. — Эй! Не смейте бросаться!

— Хоть слово скажешь — больше флиртовать со служанками не сможешь, — угрожала в ответ девушка. Итан встал перед Фоксом.

— Не скажет, — пообещал он за своего товарища. — Но и Вы не говорите обо мне.

— Мне не с кем обсуждать слухи, — ответила Азалия. Она развернулась к двери, открыла ту и осторожно выглянула. — Я лучше записки о старой Линнее почитаю, чем буду языком трепать.

Дверь за ней колыхнулась и закрылась. Принцесса не простилась с мужчинами, не пожелала больному скорейшего выздоровления и вовсе сделала вид, что никакого лечения и перевязки не было. Но вот её слова, брошенные в воздух, снова заставили Итана задуматься.

Слуги и лорды завалились спать. Врач даже не посетил свою же комнату, остался в одной из палаток обсуждать с лесником сегодняшнюю охоту. Под яркий и эмоциональный

рассказ Итан выпил жирный, остывший бульон и действительно почувствовал себя лучше.

— Смородиновая принцесса странная, — сказал он Фоксу, задумавшись.

— И не говори, — поддержал его шут. — Знал бы ты, как я удивился, когда увидел её в твоей рубашке! Думал уж, что правдивы слухи служанок о вашем свидании в поле.

— Слухи не тревожат брод, — мужчина отложил ложку в сторону, размял затёкшие плечи и шикнул, когда шов зашевелился. — Смородина созревает и пускает свои ветви в чужой лес.

— Опять ты так странно говоришь, — вздохнул Фокс и упал на кровать. — Пожалуй, ты прав. Азалия нам действительно встанет костью в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.